115 6/66

115 6
66

МАЛОРОССІЙСКАЯ
ДЕРЕВНЯ.

МАЛОРОССІЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ,

сочиненіе

И. Кулжинскаго.

****

Hoc erat in votis, modus agri non ita magnus,
Hortus ubi, et tecto vicinus jugis aquae fons,
Et paulum sylvae super his foret.
Hor....

****

МОСКВА.

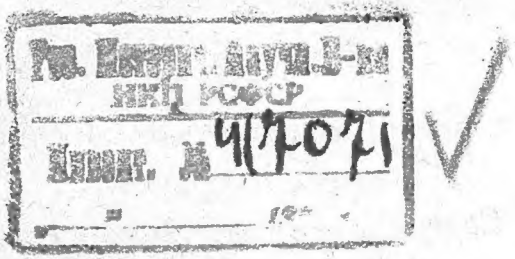
Въ Типографіи Императорскаго Московскаго Театра, 1827 года.

У Содержателя А. Похорскаго.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурный Комитетъ одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, 1825 года, Октября 12 дня. Сію рукопись разсматривалъ Ординарный Профессоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ

М. Каченовскій.



ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Много есть деревень на свѣтѣ, но подъ кроткимъ небомъ Малороссіи всякая деревня есть сокращенный *эдемъ* — гдѣ иногда не достаетъ только добродѣтели и чувствительности сердца, чтобы людямъ быть совершенно блаженными.... Такъ восхищенный любовникъ хвалитъ свою милую: „много красавицъ на свѣтѣ, но моя всѣхъ лучше и прекраснѣе! Можетъ быть, мнѣ люди не повѣрятъ, но я чувствую, что говорю истину; такъ почему же имъ не согласиться со мною?...“ Но Писатель

не любовникъ; quod licet uni, non licet alteri, и слѣдовательно — надобно представить доказательства! — Ахъ! почему же я живу не въ тѣ счастливые годы, когда еще Астреинъ вѣкъ былъ *аксіомою*, не требующею никакихъ доказательствъ? — Почему я живу не въ то благословенное время, когда еще въ Малороссіи зло и пороки были извѣстны только по отдаленному слуху — и прекрасныя дѣвушки Малороссійскія не боялись въ жаркое время выходить на улицу въ одѣхъ чистыхъ рубашкахъ, подпоясавшись красною лентою?... Увы! кто изъ любителей *одушевленнаго изящнаго* не пожалѣетъ объ утратѣ сего прекраснаго времени?... Тогда и сосѣды не знали еще пагубнаго искуства враждовать между со-

бою; а ежели случалось одному обижать другаго, то или сей часъ же забывали обиды, или, впрягавши своихъ воловъ въ одну телегу, вмѣстѣ — какъ добрые братья — отправлялись къ святилищамъ правосудія искать примиренія.... (*) Но — къ утѣшенію нашему — въ природѣ все идетъ постепенно, и ежели сердце человѣческое дѣлается худшимъ, то оно въ самой испорченности имѣетъ свои степени. Для простаго взора такая постепенность рѣдко бываетъ примѣтна; но кто желаетъ добра человѣчеству, тотъ охотно вѣритъ сей истинѣ, что для чело-

(*) Это не выдумка, но историческая истина. И теперь еще старики съ восторгомъ разсказываютъ о подобныхъ опытахъ *добродушія* Малороссійскаго.

вѣка труднѣе сдѣлаться изъ добраго злымъ, нежели изъ порочнаго — добрымъ. Соберите всѣ искушенія для человѣческаго сердца; унизьте — ежели можно — сіе сердце до страсти къ пороку; — но предаваясь всѣмъ прелестямъ обольщенія, человѣкъ не скоро перестанетъ вздыхать и плакать.... Что это значитъ? — Это между прочимъ значитъ и то, что знаменіе правоты и добродѣтели, которое природа положила на человѣческомъ сердцѣ, никогда не можетъ совершенно изгладиться. — Такъ точно и Малороссіяне, хотя по общему закону измѣняемости много удалились отъ характера своихъ предковъ, но и теперь еще въ нравственной физіономіи ихъ можно прочитать ту древнюю истину, что

народный характеръ есть *нѣчто* неизмѣняемое.

Не обѣщая моимъ читателямъ глубокихъ и тонкихъ замѣчаній о народномъ характерѣ Малороссіянъ, я нужнымъ почитаю признаться, что собирать разбросанныя *черты національности*, и изъ многихъ отдѣльныхъ частей составить одно цѣлое, полную картину нравовъ — трудное, очень трудное дѣло! Я не смѣлъ восходить къ философическимъ *началамъ* нравственныхъ дѣйствій, а писалъ просто — какъ встрѣчалось моему взору. Хорошо ли это, или худо — предоставляю судить другому, а самъ остаюсь доволенъ и тѣмъ, что по крайней мѣрѣ не употребилъ времени на что нибудь безполезнѣйшее.....

К.

МАЛОРОССІЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ.

Весна въ Малороссіи.

Какъ вамъ угодно, смѣйтесь друзья мои, а изъ всѣхъ четырехъ временъ года не весна, но зима есть самое пріятнѣйшее и лучшее.— Весна, равно какъ и юность нашей жизни, есть пора вѣтровъ и бурь; ежели подчасъ и проглянетъ красное солнце, — то все великолѣпіе его свѣта бываетъ на счетъ прошедшихъ дождей и тумановъ. За то уже посмотрите, какъ пріятно въ тихомъ пріютѣ наслаждаться зимнимъ покоемъ! — Безпечный любитель

сладостной нѣги — Малороссіянинъ чрезъ цѣлую зиму заключалъ себя *въ объятіяхъ* теплой печки, и никакія явленія природы его не возмущали. Завѣетъ ли холодъ и мѣтель? — Счастливецъ, онъ выглянетъ на минуту въ окошко, и закуривши свою трубку, опять отправляется на *любезную* печку! — За свищетъ ли вѣтеръ въ окончинахъ его хаты? — Ахъ! это новый призывный голосъ къ сладкой дремотѣ! Бушуйте вѣтры! трещите морозы! Онъ не пойдетъ за три-девять земель искать своего счастья; теплая хата, трубка и молодая жена: вотъ все, чего мастеру наслаждаться можно желать въ ненастное время зимней погоды! — А ежели и случалось, что Малороссіянинъ отваживался выходить на морозъ, то къ этому подвигу побуждало его или семейство, имѣвшее нужду въ продовольствіи, или — вѣроятнѣе — собственная охота проходиться въ ближайшую *винокурню*. Красный огонекъ

и удовольствіе *лучшаго* общества вознаграждали его за трудное путешествіе, а на возвратномъ пути опять ожидала его теплая хата и любопытные слушатели, предъ которыми онъ могъ со всѣмъ краснорѣчіемъ разсказывать *о новостяхъ сосѣдней винокурни*.... Чего бы еще, кажется, не доставало къ счастливой и безпечной жизни?.. Но въ мірѣ семъ нѣтъ ничего постояннаго, — и счастіе есть призракъ, который мы узнаемъ тогда, какъ онъ отъ насъ улетаетъ!...

Уже куры и гуси, почувши *безпокойное* время любви, своимъ крикомъ не даютъ хозяину покоя! — Крупнорогіе волы и коровы, услышавъ весенній вѣтерокъ, уже не довольствуются скудною трапезою изъ соломы, и облизывая таящій ледъ на стеклахъ окошекъ, привѣтствуютъ хозяина съ весною. Увы! надобно забыть спокойствіе теплой хаты и привыкать къ трудамъ весенняго времени! — Уже и домаш-

няя старуха, выглянувъ изъ окна на красное солнушко, смѣло предсказываетъ своимъ внукамъ тотъ день, въ который *алчная щука разобѣетъ своимъ хвостомъ ледъ на* ихъ сельской *рѣчкѣ;* а это—надобно знать — есть первый шагъ весны съ неба на землю. Свѣтлыя рѣки засверкаютъ золотыми струями; съ шумомъ и ропотомъ покатятся ручьи съ высокихъ горъ, и рыхлая глыба земли, просохнувъ на солнцѣ, будетъ ожидать къ себѣ сохи трудолюбиваго земледѣла.

Но прежде, нежели теплый вѣтерокъ вызоветъ на поле земледѣла, ему надобно обнести свои огороды крѣпкимъ плетнемъ— и Малороссіянинъ, не имѣя силъ противиться побужденіямъ времени, рѣшается наконецъ выѣхать въ лугъ за лозою!— Сколько подвига для доброй, спокойной души, привыкшей дремать въ беззаботной лѣни!.. Огромные *постолы* (*), покрытые

(*) Лапти.

давнею пылью, опять призываются въ дѣло, и печальный хозяинъ смотря на нихъ болѣзненнымъ взоромъ, чувствуетъ, что уже прошло то драгоцѣнное время, въ которое всѣ его труды ограничивались проходкою на винокурню, или *слѣлылъ* путешествіемъ до ближайшей мѣльницы.... Вооружись терпѣніемъ, пипомецъ нѣги и счастія! — Человѣческій родъ привыкъ мучить себя упомительною дѣятельностію, и для многихъ, безъ сомнѣнія, покажется смѣшнымъ такое спокойное расположеніе твоего духа; но лѣность всегда была и будетъ подругою добродѣтели. Пускай безпокойный порокъ сулитъ тебѣ золотыя горы; но для тебя пріятнѣе лежать, закутавшись въ теплыя подушки, нежели отваживаться на какое-нибудь злое дѣло, сопряженное съ трудами и терпѣніемъ! — Ежели бы всѣ люди подражали тебѣ, то и кровь человѣческая проливалась бы рѣже, и золотой вѣкъ переспалъ бы слу-

жить предметомъ для насмѣшекъ и шутокъ.... Что же касается до истиннаго сердечнаго счастья, то за средствами къ оному не чего оставлять отцовскую хижину и переплывать чужіе океаны; сіи средства у насъ подъ рукою.

Уже крупорогій быкъ — товарищъ хозяиновой лѣни, позналъ свое ярмо и стоитъ у дверей хаты. Теперь надобно скрѣпить свое сердце, и вооружиться противъ стужи и мороза. „Подайте *кожухъ* (*)! подайте другой! подайте и третій!...“ Подъ защитою сихъ трехъ *антидотовъ* Малороссіянинъ начинаетъ уже смотрѣть веселѣе — и послушный поясъ съ дружескимъ пріятствомъ обвивается вокругъ его стана. Остается только надѣть рукавицы, закурить трубку, и — *до обѣденья!*

Черкнувъ *зъ господы*, ажъ курыть!
Усе *бычка винъ* погоняе,

(*) Овечья шуба.

Що *божовильный* ажъ брикае;
Помчались, ажъ возокъ скрыпитъ!...

Счастливый тебѣ путь, пипомецъ добродѣшельной лѣни! — Терпѣніе и пруды суть наилучшая *приправа* къ наслажденію: всегдашняя лѣность шакже не возможна для человѣка, какъ и всегдашняя дѣяшельность.— Собери свою бодрость,— рѣшись подвергнуться непріяшностямъ холоднаго времени: шогда и шеплая хаша, и объяшія милой жены, и горячіе *блины* въ кругу веселаго семейсшва — все будешъ швоею наградою! — Къ вамъ обращаюсь шеперь, счастливцы міра, коихъ форшуна взлялѣяла въ золошой колыбели, подъ золошою парчею! склонише вашъ взоръ на сію низкую хижину, едва примѣшную для величія вашего, и— позавидуйше! — Уже шашкій сполъ накрышъ чисшой пеленою, и опъ шипящей сковороды несешся благовонный запахъ блиновъ. Услужливая хозяйка еуешится угосшишь своего милаго, преше-

пѣвшаго и тягость пути, и стужу мятелей, а товарищи его путешествія — смиренные волы — давно уже наслаждаются покоемъ въ тихомъ пріютѣ! — Подавайте же скорѣе на столъ ушѣшительный кубокъ съ веселящимъ напиткомъ! — Уже и пирамида румяныхъ блиновъ возвышается въ кругу чистыхъ тарелокъ, и рой веселыхъ дѣтей, усѣвшись за столомъ, съ нетерпѣніемъ ловитъ сладостный паръ, вію щійся надъ блинами.... „Возсядь со мною и ты, подруга моя, и — насладимся!“ — Огородивши себя плетнемъ отъ сосѣда, человѣкъ есть Царь самовластный. Чего не достаетъ ему подъ его смиренною кровлею? — Румяная жена, здоровые дѣти, овцы, волы и коровы: вотъ тѣ существа, изъ которыхъ каждое смотритъ на него съ пріятною улыбкою, и отъ него одного ожидаетъ своего счастья! — Каждый день его жизни есть повтореніе душевнаго наслажденія. Утро свое онъ посвящаетъ

трудамъ, и кому жизнь безъ трудовъ бываетъ пріятна? — Полуденное время само по себѣ располагаетъ человѣка къ сладкой дремотѣ; но едва начнетъ солнце опускаться ниже и ниже.... о радость! онъ чувствуетъ приближеніе благодатнаго вечера, и еще съ большей охотой принимается за труды. Посмотришь теперь на него, какъ онъ оканчиваетъ счастливый день своей жизни. — Остатки блиновъ въ роскошномъ безпорядкѣ разбросаны по столу, и лукавый котъ своею хищною лапкою стягиваетъ ихъ одинъ за другимъ: пріятный предметъ для размышляющаго наблюдателя! — Пресыщенный и самодовольный хозяинъ лежитъ небрежно на постели, и покуривая трубку, съ любопытствомъ смотритъ на своего хитраго *Ваську*. — Невнятные звуки соннаго дитяти, и мяуканье *Васьки*, и сладострастный шопотъ вѣтра въ отдушинахъ оконъ: все располагаетъ его къ покойному сну.... Наконецъ — огонь

въ печуркѣ вспыхнулъ и потухъ, трубка докурилась — и завидный счастливецъ безпечно засыпаетъ!...

Миръ вамъ, обитатели вси уединенной и тихой! У васъ не бушуютъ тѣ бурныя страсти, кои отнимаютъ сонъ у очей, а счастье у сердца!— Вамъ не извѣстна та причудливая охота марать бумагу, которая за грѣхи мучитъ нѣкоторыхъ смертныхъ — отъ утренней зари до поздаго вечера, отъ юныхъ лѣтъ до глубокой старости!... Странное дѣло! Уже и часы мои остановились, и свѣчка догараетъ — а я все еще сижу надъ бумагою!... Satis pro nobis, o Musa! дай мнѣ свою руку, обнимемся съ тобою и ляжемъ въ постелю!...

Еще солнце не взошло, но природа уже пробудилась. На горизонтѣ востока пустынное небо зажглося яркими огнями, и въ утреннемъ воздухѣ повѣваетъ прохлада.

Вотъ уже мало помалу все приходитъ въ движеніе: и страстныя ласточки тихонько чирикаютъ въ гнѣздахъ, и овцы проснулись въ хлѣвахъ, и сановитый быкъ приподнялся изъ своего ложа... Минута торжественная! все обращается къ востоку и находится въ ожиданіи!... Наконецъ благодатный Царь дня возсѣлъ въ свою колесницу, и первые лучи его благодати торопливо побѣгли по синему небу! — Спѣшите, о люди, привѣтствовать своего благодѣтеля! Овечки блеятъ; быки заревѣли, и проснувшійся жаворонокъ поднялся на встрѣчу восходящему солнцу. О Боже нашъ! какъ возблагодаритъ Тебя за сіи прекрасные дни, коими Ты благословляешь нашу землю? Всѣ часы — отъ свѣжаго утра до влажнаго вечера — суть разные согласные тоны, которые всѣ вмѣстѣ составляютъ очаровательную гармонію дня. Прислушайтесь, люди, къ сей музыкѣ творенія; какая прелесть въ выраженіи!

какое согласіе въ перемѣнахъ!... Едва блеснетъ на небѣ румяное утро, — и все, что имѣетъ только голосъ, все силится исповѣдать свои радостныя чувства; одинъ только человѣкъ иногда забываетъ сію священную должность и не встрѣчаетъ юнаго дня своей радостной пѣснею. Но сей упрекъ не относится къ жителямъ счастливой деревни. — Еще и жаворонокъ спитъ въ тепломъ гнѣздѣ, а скрыпучая дверь смиренной земледѣльческой хаты давно уже отверзта, и пробудившееся семейство спѣшитъ приняться за работу. Мущины въ полѣ, женщины дома, а рѣзвые ребята на красномъ солнышкѣ: всякому есть свое дѣло! — Посмотрите на сего неутомимаго пахаря, — съ какимъ терпѣніемъ и любовію онъ проводитъ бразды по своей нивѣ! Взгляните на сей рядъ милыхъ дѣвушекъ, — съ какою гибкостью и прелестью онѣ управляютъ заступомъ, и раскапывая свой огородъ, напередъ уже во-

ображаютъ всѣ цвѣты, которые блистаютъ на ихъ грядахъ!... „Вотъ здѣсь посѣмъ румянаго, зубчатаго маку, а здѣсь колокольчиковъ, а здѣсь горошку, или павлиновыхъ глазокъ; ежели дастъ Богъ, все зацвѣтетъ и будетъ прекрасно!—“Цвѣтите и вы, прелестныя Нимфы, подобно вашимъ цвѣточкамъ! Нѣжная мать изъ-за плетня смотритъ на васъ и любуется вашимъ трудолюбіемъ; поспѣшайтежъ въ объятія къ ней, — она возвѣститъ вамъ новую радость. Уже и хохлатая насѣдка вывела цыпленковъ; посмотрите, какія пичужечки, крошечные, и бѣленькія и черныя! — Еще не родились, а уже маленькимъ носикомъ искали себѣ пищи; появились на свѣтъ — и умѣютъ уже расклевывать зерно: вотъ чудо природы, предъ которымъ всякій ученый долженъ скинуть свой колпакъ и съ благоговѣніемъ посмотрѣть на небо! — А пойдемъ-те же въ хлѣвъ и послушаемъ, что тамъ такъ нѣ-

жно рыдаетъ и плачетъ?.... Ахъ! это юный теленокъ, происшедшій на свѣтъ прошлую ночь! — Рогатая мать съ нѣжностію смотритъ на него и облизываетъ своимъ языкомъ его мягкую шерсть, — цѣлуетъ и въ очи, и въ слабый хребетъ, и въ курчавый лобъ, на которомъ нѣкогда выступятъ юные рога!... Сколько радости для невиннаго сердца, привыкшаго дѣлиться съ природою своими чувствами! — Рожденіе молодыхъ животныхъ есть семейственный праздникъ подъ кровлею смиреннаго земледѣла, и сельскія дѣвушки на сихъ праздникахъ учатся прелестному чувству любви.... Ахъ, прислушайтесь къ весеннимъ пѣснямъ Малороссійскихъ селянокъ! Сама любовь вдохнула имъ сіи прекрасныя пѣсни,— сама любовь настроиваетъ ихъ нѣжный и чувствительный голосъ!

Едва начнетъ спускаться на землю мерцающій вечеръ, всѣ дѣвушки оставляютъ работу и выходятъ на улицу; каждая са-

дится возлѣ своей хаты, и кто вышелъ прежде, тотъ прежде и начинаетъ заводить весеннюю пѣсню. Сосѣдка, услышавъ голосъ своей подруги, отвѣчаетъ ей другимъ куплетомъ той же самой пѣсни — и невинныя сердца другъ друга издали понимаютъ! — Наконецъ всѣ дѣвушки сосѣдства, перекликавшись одна за другою, собираются вмѣстѣ, и протяжнымъ, задумчивымъ хоромъ начинаютъ *веснянку*. — Читатели, жившіе въ Малороссіи, имѣли случай слышать сіи пѣсни въ подлинникѣ, а для другихъ я предложу мой слабый переводъ — съ предисловіемъ слѣдующаго содержанія:

Барвенокъ и *рута* почитаются у поселянъ Малороссійскихъ эмблеммою любви и надежды. Между свадебными обрядами ихъ замѣчательно то, что они сими цвѣтами увиваютъ *предковскій мечъ*, который, подобно жезлу путеводному, несутъ предъ молодою четою и въ церковь, и изъ цер-

кви.... Когда же дѣвушка, не дождавшись счастія быть супругою, умираетъ, тогда осиротѣвшая любовь украшаетъ преждевременную могилу ея — барвенкомъ и рутой.... Сельскія дѣвушки, по какому-то тайному внушенію сердца, во всѣхъ своихъ весеннихъ пѣсняхъ напѣваютъ о сихъ цвѣтахъ, интересныхъ для ихъ счастія....

Веснянка.

Ахъ! ну-те, подружки, играть веселѣе!
И *щука на рѣчкѣ разбила ужь ледъ*,
И просо на полѣ давно зеленѣетъ,
И рута пахуча давно ужь цвѣтетъ!
Зеленая рута — желтый цвѣтъ!...

* * *

Смотрите, какъ любо въ долинѣ рѣзвиться:
И солнышко ласково смотритъ на насъ,
И вѣтеръ прохлядный межь нами струится,

И рута пахуча давно развилась!...
Зеленая рута— желтый цвѣтъ!...

* *
*

Нарвемъ же барвенку, и съ рутой смѣшавши,
Приколемъ ко груди зеленый букетъ!—
Любовь и надежда, и счастье— все наше!
Для насъ и пахуча рута цвѣтетъ!...
Зеленая рута — желтый цвѣтъ!...

* *
*

Ахъ! скоро, ахъ! скоро, милыя подружки
Прелестное время любви отлетитъ....
Наступитъ зима, и груди младыя
Унынья горяча слеза окропитъ!...
Зеленая рута — желтый цвѣтъ!...

* *
*

Спѣшите любить, пока есть минута,
И ласково смотритъ женихъ молодой!
Теперь и барвенокъ и свѣжая рута
Въ долинѣ зеленой у насъ подъ рукой!...
Зеленая рута— желтый цвѣтъ!...

Мирныя наслажденія невиннаго сердца всегда останутся тайною для человѣка, преданнаго страстямъ; но кто еще не отвыкъ улыбаться прелестною улыбкою добродѣтели, тотъ — иди въ деревню и наслаждайся! — Уже веселыя Нимфы прославили весну въ своихъ пѣсняхъ и хороводахъ; и смиренный орапай видѣлъ ея рожденіе на поляхъ и долинахъ. Теперь соберемся, друзья, составимъ ей праздникъ на нашемъ огородѣ. Не слышите ли, что̀ такъ пріятно жужжитъ, подобно струямъ ручья отдаленнаго? — Прислушайтесь — это жители ульевъ— трудолюбивыя пчелы! Почувши возвратъ весны благодатной, онѣ суетятся въ своемъ жилищѣ и желаютъ свободы. Ахъ, дайтежь свободу умѣющимъ пользоваться ею!— Одинъ только тотъ, кто во зло употребляетъ свои силы и не дорожитъ своимъ временемъ, одинъ только тотъ не достоинъ свободы.— Смотрите — уже вынесли ульи на свѣтъ, и

заключенницы съ пріятнымъ *зуженьемъ* одна по другой вылетаютъ на солнце. Какія слабыя и тощія! — Можно бы думать, что покой зимняго времени укрѣпилъ ихъ здоровье; но видно и у нихъ, какъ у людей, праздность не укрѣпляетъ, а разслабляетъ жизненныя силы.... Такъ! улей пчелъ есть поучительный предметъ для человѣка; приходите къ сему безмолвному наставнику во всякое время. Въ прелестные, весенніе дни пчела летаетъ по свѣту, вилляетъ и здѣсь, заглянетъ и тамъ; не успѣла сѣсть на бѣлоснѣжномъ нарциссѣ, уже тюльпанъ плѣняетъ ее своею красотою. Счастливые юноши! наслаждайтесь своею жизнію! — Для васъ цвѣтутъ и розы, и лилеи, для васъ и скромная фіялка разливаетъ свой запахъ; но горе вамъ, ежели порхая съ цвѣтка на цвѣтокъ, пріучите свое сердце къ одному *пріятному* и забудете о *полезномъ* и *благородномъ!* Тогда уже бойтесь

встрѣчаться съ пчелами; всякая изъ нихъ непремѣнно должна уязвить васъ за худо проведенные годы.

Въ знойное время жаркаго лѣта пчелы не ищутъ прохлады. Вооружась терпѣніемъ и любовью, каждая изъ нихъ обрабопываетъ часть благовоннаго сота, и довольная своимъ трудолюбіемъ — не завидуетъ подругамъ своимъ, а еще того менѣе желаетъ перемѣнить свое мѣсто. Вотъ урокъ для возмужалаго возраста! Какую тебѣ должность назначила судьба и избрали твои способности, той и держись, и не ропщи на своихъ братій, превосходящихъ тебя силою, или пространнѣйшимъ кругомъ дѣйствованія. Самолюбіе наше привыкло представлять все въ превратномъ видѣ: я родился сыномъ добродѣтельнаго бѣдняка, но мнѣ кажется, что мое рожденіе есть ошибка судьбы.... вздорныя мысли! — Жребій не отъ насъ, но отъ Бога!

Хотите ли продолжать подобныя сравненія?... Хотите ли видѣть, что дѣлаютъ пчелы осенью и зимою? — Удалитесь въ прохладную сѣнь акацій и орѣшника, и посмотря на свои ульи, пройдите мыслію всю вашу прошедшую жизнь.... Нѣтъ человѣка безъ слабостей, и всякій *посвоему* умѣетъ себя разсматривать!

Уже все закипѣло новою жизнію въ лѣсахъ, на поляхъ и огородахъ; однѣ только овцы, скучаютъ дремая въ тѣни своихъ хлѣвовъ; но вотъ уже и для нихъ наступаетъ праздникъ свободы! *Громада* (*)

(*) *Громада* то же, что и *мірская сходка*, или *вещь посполита*. Всѣ дѣла, касающіяся до общественнаго состоянія деревни, рѣшаются Громадою, и, по пословицѣ Малороссійской: *Громада*— великій человѣкъ.

собралась на площадь, и при торжественныхъ кликахъ Бахуса начинаютъ избирать пастуха. — Не думайте, друзья, чтобы пастухъ Малороссійскій былъ похожъ на Аркадскаго; уже прошли тѣ золотые годы, когда невинность и красота удалялись на луга и долины, и окруживши себя стадомъ, воспѣвали блаженство любви. Нѣтъ! Малороссійскій пастухъ большею частію бываетъ колѣка, неспособный къ трудамъ полевымъ, но за то хорошо знающій свое дѣло. Прежде, нежели онъ вступитъ въ свою должность, жители деревни должны условиться съ нимъ въ платежѣ за каждую скотину, и кромѣ сего онъ имѣетъ еще право заходить каждый вечеръ въ какую-либо хату, и требовать себѣ ужина: привилегія значительная въ тѣ несчастные годы, когда Правосудіе небесное наказываетъ цѣлую страну неурожаемъ! — Едва появится на небѣ румяное утро, уже овцы и коровы

запѣли цѣлымъ стадомъ утреннюю пѣснь, и въ облакѣ пыли бодро идутъ на свое пастбище; а за ними— съ товариществомъ добрыхъ собакъ — тянется и лѣнивый пастухъ, вооруженный длинною плетью, а иногда и сельскою сипучею свирѣлью. — Не смотря на сіи признаки грубости и нищеты, состояніе пастушеской жизни всегда будетъ для меня любезнымъ и завиднымъ. Наше сердце имѣетъ какую-то прелестную память о невинности человѣческаго рода, и при всѣхъ блистательныхъ выгодахъ нашей гражданской жизни оно часто вздыхаетъ о зелени долинъ, о мрачности дубравъ и о любезной свободѣ... Приличія свѣта, положивши на человѣческомъ сердцѣ печать принужденія, подавили въ немъ всю прелесть естественныхъ чувствованій. И горе тому, кто не боясь показаться смѣшнымъ, вздумалъ бы говорить и дѣлать такъ, какъ внушаетъ природа! — Но еще большаго сожалѣнія до-

стоинъ тотъ, кто осуетивши себя шумными радостями большаго свѣта, потерялъ уже вкусъ къ простымъ радостямъ природы и сельской жизни! Глубокое чувство натуры есть стихія добродѣтельнаго сердца; внѣ сей стихіи никакая добродѣтель не можетъ явиться въ настоящемъ блескѣ, — и ежели можно быть добродѣтельнымъ безъ чувства къ *изящному*; то это должна быть или ошибка во мнѣніи людей, или чудесное исключеніе изъ правилъ природы!

Не всякому въ удѣлъ досталось обладать обширными полями и любоваться своею жатвою; но кто имѣетъ у себя дочь, или сына, которые при его глазахъ растутъ и разцвѣтаютъ, для того понятна радость земледѣла, смотрящаго на свою зеленѣющую ниву. Посмотрите — съ какою любовію во взорахъ и съ какою благодарностію къ Небу добрый хозяинъ обходитъ кругомъ по межѣ свое достояніе! —

Каждая зеленѣющая былинка обѣщаетъ ему колосъ, и каждый колосъ есть его пропитаніе! Насупится ли небо и загремятъ ли въ отдаленности громы.... о Боже! не посылай карающаго града! — пусть лучше дождь благодатный проліется на ниву! — Забагровѣетъ ли на Западѣ солнце.... о страшное утро! что ты обѣщаешь земледѣлу? не жгущіе ли вѣтры? не морозъ ли губительный? Да не будетъ, о Боже! Твоего гнѣва надъ нашими полями! Сколько было труда обрабатывать ихъ! и сколько пролито поту надъ каждой браздою! Вотъ уже и спицы колосьевъ начинаютъ выглядывать изъ-подъ младенческой зелени, и надежда жатвы блистаетъ во взорахъ земледѣла! — Поручивши свое поле небесному Промыслу, онъ веселыми стопами возвращается въ село, и сообщаетъ *Громадѣ* свои надежды и страхи.... Такъ! всеобщій голосъ цѣлой деревни рѣшаетъ, что пора уже укрѣпить *коворотъ* отъ птицъ

и скопины. — Друзья! я вижу: этотъ языкъ для васъ не понятенъ — вотъ вамъ изъясненіе: едва начинаетъ рожъ приходить въ колосъ, Малороссіяне на всѣхъ выѣздахъ своего села дѣлаютъ крѣпкую загородку, чтобы гуси, телята и другія домашнія животныя не смѣли лакомиться молодымъ хлѣбомъ. Таковое укрѣпленіе называется на ихъ языкѣ *коворотолиъ*, или *царынолиъ*, а приставленный къ оному стражъ называется *коворотныліъ*. Сія немаловажная должность по большей части поручается или старику, отставному воину, или нищему, извѣстному по своей честности и добротѣ. — Расположившись въ соломенномъ шалашѣ, на самомъ концѣ села, *коворотный* пользуется всѣми выгодами общежитія и отшельнической жизни. Едва разцвѣтетъ на небѣ румяное утро, и селяне пустятся на поле; коворотный отворяетъ каждому сельскія ворота, привѣтствуетъ каждаго добрымъ

упромъ, и привѣтомъ ласковыхъ словъ отъ каждаго пріобрѣтаетъ себѣ подаяніе... Вотъ уже и есть чѣмъ пропитаться въ Божіемъ мірѣ! — Теперь, посмотрѣвши со вздохомъ на небо, онъ принимается за пруды, или плететъ *постолы*, или выдѣлываетъ ложки, тарелки и другія вещи, нужныя въ хозяйствѣ, и наконецъ— мѣлитъ табакъ. Поселяне, возвращаясь съ поля, охотно все раскупаютъ у него; — а надобно замѣтить, что въ рабочее время для деревенскихъ жителей нѣтъ ничего дороже такого человѣка, который умѣетъ дѣлать табакъ! Всѣ записные любители сего упѣшительнаго порошка собираются къ сему человѣку въ праздничные и воскресные дни и запасаютъ на цѣлую недѣлю свои *роговыя* табакерки. Уединенный шалашъ становится гостепріимною сѣнію для почетныхъ членовъ сельской *Громады*, и смиренный *коворотный* съ пріятною улыбкою хозяина угощаетъ своихъ гостей

свѣжимъ табакомъ и — ключевою водою... Чтожь, если прибавить къ сему нарочитый даръ слова и краснорѣчивую способность разсказывать о своихъ походахъ, о чужихъ земляхъ, о диковинкахъ свѣта?... Ахъ! просподушные поселяне слушаютъ, и не наслушаются!.. Воображеніе ихъ летаетъ по Бендерамъ, по Очакову, по Цесарской землѣ, по цѣлому свѣту!... Вотъ училище жизни для сельскаго жителя! Вотъ наставникъ, съ которымъ не льзя соскучиться! — Скажите, друзья, ежели нѣтъ счастія въ нашемъ сердцѣ, то какое различіе между раззолоченными палатами богача и соломеннымъ шалашомъ сельскаго *коворотнаго?*... Подобные контрасты всегда обращаютъ на себя вниманіе наше... Въ жаркіе лѣтніе дни, когда спрасни согласясь съ солнцемъ, палили мою внутренность, я часто выходилъ въ *коворотъ* и всегда возвращался оттуда съ покойнѣйшимъ сердцемъ! Безпомощный старикъ —

сирота въ цѣломъ мірѣ — спокойно спитъ въ шѣни шалаша, и часто не имѣя почти куска насущнаго хлѣба, напѣваетъ веселыя пѣсни... Что же мѣшаетъ намъ въ счастливомъ кругу посредственности наслаждаться жизнію?.. Удалимся, друзья, отъ великолѣпныхъ зданій города подъ смиренную сельскую кровлю! Не имѣя случая сравнивать себя съ другими, мы скоро забудемъ опасную разность между богатствомъ и бѣдностію, и — спокойствіе содѣлается нашею собственностію.

Уже палящее солнце вступило въ знакъ рака. Прощай, весна, до будущаго свиданья! — Соловей улетѣлъ, кукушка прячется отъ взора пернатыхъ; время любви мелькнуло и исчезло. . . .

Такъ и юность исчезаетъ
На ланитахъ милыхъ дѣвъ!
Такъ и счастье измѣняетъ,
Наши всѣ мольбы презрѣвъ:

Чуть польстить и улетаетъ!...
Ахъ! за чѣмъ же въ жизни сей
Намъ заботами томиться,
То вздыхать, то суетиться
Въ продолженье краткихъ дней?..
— — — — — — — —
Поспѣшайтежь наслаждаться
Сладкимъ звукомъ стройныхъ лиръ;
Неизбѣжный часъ прощаться
Съ жизнью милой не далёкъ!
Прозвучитъ ужасный срокъ —
И хоть рады, хоть не рады,
На носилкакъ вонъ изъ хаты
Отнесутъ насъ къ мертвецамъ;
И явившися къ духамъ,
Скажемъ: доброй вечеръ вамъ!....

ОБЖИНКИ.

(Праздникъ жатвы.)

Всякое состояніе людей имѣетъ свои праздники, и человѣческое сердце, не справляясь ни съ погодою, ни съ приличіями свѣта, само знаетъ пору торжественныхъ чувствъ. Чтожь это за праздникъ у сосѣда? Весь его домъ горитъ въ огняхъ,— у подъѣзда вся улица загромождена богатыми экипажами, и опъ гремящей музыки трясутся мои окна... Ай, посмотрите, посмотрите! размалеванныя фигурки бѣгаютъ по залѣ сюда и туда: то кружатся какъ вихорь, то съ гордою важностію медленно выступаютъ одна противъ другой... Не льзя не смѣяться, посмотрѣвши на такія чуда! Одна толпа бѣгаетъ и вертится безъ толку, а другая сидитъ зѣвая и дремлетъ... Чтожь это за праздникъ у сосѣда?.. Не такъ, совсѣмъ не такъ гуляютъ въ нашей деревнѣ! —

У насъ, когда гулять, такъ гулять — пускай вороги позавидуютъ! Вотъ, напримѣръ, еслибъ судьба отмежевала мнѣ нѣсколько десятинъ поля, какъ бы я прославилъ свои обжинки: еще съ вечера приказалъ бы загоповить жирнаго теленка и нѣсколько барановъ; лакомые жнецы, узнавши объ этомъ, чуть заря собрались бы ко мнѣ на дворъ. „Разстилайте дубовыя лавки! накрывайте столы!“ Мигомъ все появилось, и веселые жнецы ожидаютъ господина! — Наконецъ на высокомъ крыльцѣ являюсь и я, — улыбка на устахъ, удовольствіе во взорахъ и въ рукахъ огромная сулея съ веселящимъ напиткомъ: чегожь еще болѣе надобно? — Жнецы одинъ за другимъ подходятъ ко мнѣ, и при взаимныхъ привѣтствіяхъ получаютъ удѣльную чару. За чѣмъ же прячешся ты отъ меня, смуглявая миловидка? Видно тебѣ не хочется приближать къ своимъ устамъ чашу круговую? Напрасно! вино всег-

данній другъ любви; попробуй, какъ оно тепло и сладко польется по твоему сердцу!

Но сельскій обѣдъ уже конченъ и жнецы воздавши благодаренье Богу, а хозяину низкій поклонъ, принимаются за серпы. Друзья! поспѣшайте на ниву; уже солнце поднялось высоко, и роса исчезаетъ отъ жару. Когда сегодня кончите жатву, — мы во славу Божію сочтавимъ радостный праздникъ!

Съ какимъ удовольствіемъ, стоя на высокомъ крыльцѣ, я провожалъ бы глазами моихъ жнецовъ, поспѣшающихъ въ поле! Съ какою радостію смотрѣлъ бы на нихъ, идущихъ чрезъ плотину, — и громкое эхо ихъ пѣсней разносилось бы по струямъ моей рѣчки!.. Шалуньи — дѣвушки впереди, а за ними молодцы — краса нашей деревни: прекрасно! Амуры невидимо порхаютъ межь ними, и изъ-за плечей красавицъ пускаютъ свои острыя стрѣлы...

Вотъ случай *Ивану* любоваться спройнымъ станомъ своей милой *Олены*! вотъ случай *Петру* нашептывать прекрасной *Наталкѣ*! Подружки поютъ громкую пѣсню, и никто не подслушаетъ. Счастливцы жители веси! — У нихъ, когда *люблю*, — такъ *люблю* и сердцемъ, и словомъ, и дѣломъ! — Не такъ, какъ у насъ горожанъ: полюбишь, да и надобно сдѣлаться унылымъ, задумчивымъ... Истинная любовь не любитъ молчать; это — пламень человѣческаго сердца, не терпящій ни какихъ препонъ и условныхъ приличій!

Выпроводивши жнецовъ въ поле, я часовъ на два скрываюсь въ моемъ кабинетѣ. — Душа, потрясенная сильными впечатлѣніями, требуетъ отдохновенія, — и гдѣжъ ей лучше отдохнуть, какъ не въ уединенномъ пріютѣ мечтаній и думъ?.. Здѣсь, опершись рукою на столикъ, я сажусь противъ растворенаго окна, и даю волю глазамъ бродить по зелени сада.

Спокойствіе природы, прерываемое изрѣдка *зумканьемъ* пролетѣвшей пчелы, или колыханьемъ на вѣтвяхъ Зефира, возвращаетъ моей душѣ то, что она потеряла въ бесѣдѣ съ людьми... Довольно! уже мысли собраны, и на душѣ не колыхнетъ нималѣйшій вѣтеръ суеты. — Беру книгу и читаю. — Чтеніе нужно для насъ, какъ хлѣбъ и вода, какъ сонъ и любовь; но горе тому, кто все безъ разбору читаетъ! — Въ моемъ кабинетѣ нѣтъ васъ, мнимые наставники человѣческаго рода, — вы, которые забывши о человѣческомъ сердцѣ, разбираете по частямъ небеса, измѣряете вѣчность, и по своему толкуете совѣты Предвѣчнаго! — Нѣтъ и васъ у меня, издатели *эфемерныхъ* произведеній, которыхъ все достоинство состоитъ въ цвѣтной обертки! — Я давно уже пересталъ любопытствовать, что происходитъ *новаго* въ надменномъ умѣ и въ холодномъ сердцѣ. — Изъ

древнихъ — Виргилій, Горацій, изъ новыхъ Геснеръ, Карамзинъ и творенія нашихъ лучшихъ поэтовъ: вотъ все украшеніе моего сельскаго кабинета! — Иногда, увлеченный порывомъ свѣтлыхъ думъ, я и самъ пишу, что диктуетъ мнѣ мое сердце; но это бываетъ рѣдко. Я твердо помню прекрасные стихи Пушкина, и не ищу Авторской славы!

Что слава? — Яркая заплата
На ветхомъ рубищѣ пѣвца!
Намъ нужно злата, злата, злата!...
Копите злато безъ конца! —

Какоежь лучшее и благороднѣйшее средство составить себѣ пропитаніе, какъ не плоды полей, лѣсовъ и огородовъ? — Прихоти большаго свѣта породили много нуждъ и слѣдовательно — много бѣдности; но удалясь подъ мирныя сѣни деревни, человѣкъ всегда можетъ быть богатымъ. — Нѣсколько десятинъ поля, сѣнокосъ, и нѣ-

сколько ульевъ пчелъ: болѣе, кажется, ничего не нужно къ довольной и счастливой жизни! — Трудись — и ты всегда имѣешь право на счастіе!

Вотъ уже начало вечерѣть, и солнце ушекаетъ за рощу. Прохладный вѣперокъ сперва тихомолкомъ, потомъ громче и громче навѣваетъ въ мой слухъ веселыя пѣсни жнецовъ, возвращающихся съ поля.

Вотъ уже близко къ деревнѣ, и напряженное ухо различаетъ самыя слова пѣсни: *Ой паноньку нашъ! обжиночекъ часъ!..*

Съ удовольствіемъ исполненнаго ожиданія спремлюсь на крыльцо — и опять одного явленія моего все приходитъ въ движеніе! дворъ вымепенъ, дубовые сполы накрыты чистою скатертью, въ муравленыхъ *лискахъ* кипитъ благоухающій *борщъ*, съ бараниной картофель, и на широкой деревянной тарелкѣ красуется сочное жаркое!.. Сюда, друзья, скорѣе къ моему сердцу! — Ворота съ торжествен-

нымъ скрыпомъ отворяются, и группа веселыхъ жнецовъ при радостныхъ пѣсняхъ подноситъ своему господину вѣнокъ изъ золотыхъ классовъ, переплетенный васильками!... О Боже мой! что̀ есть человѣкъ, что Ты посылаешь ему такія радости?... Въ пріятномъ шуму привѣтствій и разсказовъ я перехожу отъ одной группы жнецовъ къ другой, — то у того, то у другаго пожимаю загорѣлую отъ солнца руку, — то съ пѣмъ говорю, то другаго обнимаю... Наконецъ, жнецы сѣли за столъ, и все — умолкаетъ! — Тишина изрѣдка только бываетъ прерываема стукомъ тарелокъ и мисокъ, или усерднымъ прихлебываніемъ горячаго борщу... Но едва показался на столѣ кубокъ съ благовонною *варенухою*, — вдругъ по всѣмъ лицамъ пробѣжала рѣзвая радость и начиная съ меня, всѣ по порядку начинаютъ пить. Скромныя дѣвушки, увлеченныя запахомъ *варенухи*, забываютъ лукавую спыдли-

вость и приближаютъ къ своимъ алымъ губамъ круговую чашу. Ахъ! пейте румяныя! ахъ! пейте смугляпки! *варенуха* есть напитокъ любви! — Угрюмость на юномъ челѣ есть неблагодарность противъ природы, или заблужденіе неопытнаго сердца! къ чему сіи страхи и заботы о будущемъ? Друзья, нальемъ и осушимъ до дна покалъ *варенухи* (*)!

(*) *Варенуха* есть національный Малороссійскій пуншъ, которой разные люди составляютъ разнымъ образомъ. Но самою лучшею почитается та варенуха, въ составъ которой входитъ сливянка, или вишневка, сахаръ и пряныя коренья. Всѣ эти *специи* кладутъ въ муравленный кубокъ, замазываютъ его крышку и даютъ вскипѣть; послѣ этаго вынимаютъ изъ печи, и — употребляютъ во здравіе!

Прелестныя дѣвушки, почувши теплоту въ своемъ сердцѣ, начинаютъ лукаво одна къ другой пересмѣиваться и тонкимъ скромнымъ голосомъ заводятъ круговую пѣсню. Старики и парни, оставивъ свои разсказы объ урожаѣ, соединяются съ прекрасными и общимъ хоромъ благодарятъ хозяина за угощеніе! — Вдругъ, гдѣ-ни взялась сельская музыка и все, что имѣетъ ноги, пустилось плясать! — Посмотрите — какая пріятная смѣсь положеній и сердечныхъ чувствованій! Иной, не жалѣя ногъ, со всѣхъ силъ выбиваетъ *гопака;* другой, смѣшавшись съ толпою красавицъ, пустился въ *присядку*, и застѣнчивой пляской заставляетъ краснѣть робкую невинность... Веселая молодежъ пляшетъ *дробушечки*, — а здѣсь согбенный старикъ, забывши свои лѣта, гонится за красными дѣвушками, и не догнавши прелестныхъ, какъ нѣкая руина падаетъ на землю!.. Для окончанія картины не до-

спаетъ нѣсколько свѣта; но молодыхъ людей не учишь, — они догадались объ этомъ и вдругъ посреди широкаго господскаго двора является сельская иллюминація. — Мы не будемъ издерживать денегъ на плошки и огни разноцвѣтные; у насъ и старыя изломанныя колеса такъ же ярко горятъ, какъ потѣшные огни милліонеровъ!

Натанцовавшись досыта, всѣ мало помалу начинаютъ расходиться по своимъ хатамъ— иной на здоровыхъ ногахъ, другой на четверенькахъ! — Но вы, молодая чета новобрачныхъ, скорѣе всѣхъ оставляете праздникъ, и скрываетесь отъ моихъ взоровъ!.. Для васъ не пріятны ни длинныя пѣсни, ни рѣзвая пляска... Примѣтивши удобное время, вы скоро уходите въ свою сокровенную хижину!.. Миръ вамъ, дѣти природы — друзья моего сердца! Завтра рано поутру пускай всѣ выходятъ на ра-

боту; а вы спите спокойно даже до полдня!

Такъ бы я жилъ въ моей тихой деревнѣ; и такіе давалъ бы я праздники моимъ друзьямъ — поселянамъ!.. Но мечта и будетъ мечтою, а весь паличный капиталъ мой — въ надеждѣ!

ВЕЧЕРНИЦЫ.

(Гуляньe по вечерамъ.)

Друзья! переоденемся въ мужицкое платье и пойдемъ на *вечерницы!* — Смотрите, уже и сборная хата заблистала огнями и давно уже гремитъ сельская музыка! Чтобы насъ молодцы не узнали, мы приклеимъ себѣ длинные усы и примажемъ лицо сажею; что нужды, если дѣвушки насъ и угадаютъ? прелестныя плутовки никому не скажутъ о томъ! Амуры и въ селѣ любятъ скрываться подъ маскою!... — Но вы, друзья, смотрите на меня какъ на старую Пиѳію, которая въ пророческомъ жару и сама не понимаетъ, что говоритъ? Напрасно!— Лучше имѣйте ко мнѣ вѣру, и — слушайте!

У древнихъ Грековъ была пословица *ἀπὸ τῶ ὁρᾶν γίγνεται τὸ ἐρᾶν.* Это

перевести можно такъ: чтобы полюбить, надобно видѣть, — чтобы видѣть и влюбиться, надобно видѣться часто, а слѣдовательно — нужны такія собранія, въ которыхъ молодые люди смотрѣли бы другъ на друга, и послѣ — мѣнялись бы своими сердцами... Вотъ вамъ исторія клубовъ, маскарадовъ и — Малороссійскихъ вечеринцъ! — Когда всѣ плоды бываютъ собраны съ поля и природа начнетъ засыпать спокойнымъ зимнимъ сномъ, — тогда для поселянъ наступаетъ пора подумать и о собственномъ сердцѣ. — Какъ ни пріятно жить одному, но все таки вдвоемъ лучше! И дѣвушки, и молодые мущины иногда для рѣдкости хваляться одинокую жизнь; но — замѣтьте лукавство человѣческаго сердца — во всѣхъ панигирикахъ одинокой жизни примѣтно сокровенное желаніе нравиться другому полу... Такъ-то мы бѣдные люди привыкли самихъ себя обманывать! — Но это дѣло

стороннее, а я разскажу вамъ о *вечерницахъ*.

Вечерницы суть не иное что, какъ сельскій Малороссійскій клубъ. Содержательницею сего клуба большею частію бываетъ какая нибудь спаруха — опытная и свѣдущая во всѣхъ требованіяхъ сердецъ юныхъ. Сельская молодежь нанимаетъ у ней просторную хату, — и по вечерамъ собираются въ сей хатѣ для взаимныхъ свиданій... Но какъ сердце человѣческое привыкло всѣ свои пріятныя слабости прикрывать благовидностію, то оно и здѣсь не безъ работы! — Сперва на вечерницы собираются однѣ красныя дѣвушки — каждая съ прялицей, или съ другимъ какимъ рукодѣльемъ; садятся въ кружокъ, и запѣвши заунывную пѣсню, принимаются за дѣло. Соскучившись пѣть, разсказываютъ по очереди страшныя и веселыя сказки; смѣются одна изъ другой, выдумываютъ новыя шутки, и — опять поютъ пѣсни....

Но сказки, пѣсни и шутки для взрослыхъ дѣвушекъ скоро прискучатъ; для нихъ надобно чего-то лучшаго и пріятнѣйшаго... Вдругъ съ радостнымъ шумомъ отворяется дверь, и деревенскіе парни въ сопровожденіи музыкантовъ являются на вечеринцы! — Веретена и пряслицы полетѣли подъ лавку, и праздникъ любви начинается шумною пляскою!... На вечеринцахъ ни когда не бываетъ того принужденія сердечнымъ чувствамъ, чтобы изъ учтивости хоть немножко потанцовать съ каждою дѣвушкою; нѣтъ! у насъ каждый молодецъ имѣетъ у себя наречennую невѣсту, и съ нею одною танцуетъ. А ежели бы вздумалъ кто перемѣнять свою пару, то всеобщій ропотъ проводилъ бы недостойнаго за дверь... За то уже посмотрите, какъ всякой занимается своею *дамою*! — И ноги, и руки, и губы — все у нихъ танцуетъ! — Но Киприда не можетъ долго рѣзвиться безъ Бахуса и Це-

реры, но красныя дѣвушки, зная требованіе своей богини, и здѣсь являются масперицами своего дѣла. Когда всѣ устанутъ отъ танцовъ, — вдругъ на столѣ являются горячіе блины, жирная яичница и кубокъ *варенухи* съ пряными кореньями — приправой любви!.. По окончаніи ужина опять начинаютъ плясать, — и это продолжается до тѣхъ поръ, пока румяная денница не зажжется на просыпающемся небѣ. Вотъ здѣсь-то начинается таинственный часъ любовныхъ явленій!... Всѣ расходятся съ вечерницъ попарно, и каждый молодецъ проводитъ свою невѣсту даже до дѣвическаго ложа. Уважая скромность моихъ читателей, я хотѣлъ бы своенравною рукою набросить завѣсу; но я обѣщался говорить правду, и такъ — прощу извиненія! — Деревенскій Амуръ совсѣмъ не похожъ на учтиваго Амура— горожанина, которой довольствуется умильными только взглядами и пожатіемъ

прелестной руки. Нѣтъ! у насъ, когда любишь, такъ докажи это дѣломъ! И скромныя дѣвушки, рѣшивши выборъ своего сердца, позволяютъ своимъ женихамъ еще до брака раздѣлять съ собою ложе, но — не пугайтесь, друзья мои — богиня цѣломудрія всегда бываетъ между ними третья! — Иногда случается, что и родители дѣвушки застаютъ ее съ жениховъ въ объятіяхъ Морфея; но имѣя довѣріе къ дѣвической добродѣтели, они не дѣлаютъ никакого шуму, исключая одинъ тотъ случай, когда женихъ не по ихъ мыслямъ. — Откудажь такое терпѣніе у нетерпѣливой спрасти? Откуда такая степенность у шалуна— божка вертлянаго?.. Объ этомъ спросите у дѣвушекъ, а я отвѣчать не умѣю. Правда — мы всѣ люди слабы, и здѣсь иногда бываетъ не безъ грѣха... но въ такомъ случаѣ женихъ и невѣста сейчасъ же спараются увѣнчать свою любовь бракомъ!

Теперь, конечно вы спросите, друзья мои: бываютъ ли между поселянами Малороссійскими измѣны и невѣрность?.. Ахъ! бываютъ, какъ и вездѣ между несчастнымъ человѣческимъ родомъ! И горе той несчастной, которая предавшись любимцу своей души, бываетъ отъ него обманута!.. Своенравная *Громада*, узнавши о незаконномъ рожденіи новаго человѣка, вызываетъ несчастную мать на площадь, и цѣлымъ обществомъ спрашиваетъ у нея объ имени сокровеннаго отца ея дитяти. Ежели сей преступникъ бываетъ открытъ и еще свободенъ, — его принуждаютъ признаться виноватымъ и жениться на обольщенной. Но ежели его нѣтъ, или обольщенная красавица упорствуетъ въ молчаніи; тогда съ насмѣшливымъ крикомъ и шумомъ надѣваютъ ей на голову женскій чепецъ, и — съ этѣхъ поръ она не смѣетъ уже раздѣлять съ своими подругами дѣвическихъ игръ и забавъ, а принадлежитъ

уже къ *молодицалъ*.... Многія дѣвушки не переживаютъ такого безчестья, а многія привыкаютъ къ своему состоянію и даже дѣлаются послѣ добрыми супругами!.. Ежели сердце заблудилось разъ, — неужели болѣе нѣтъ для него никакой надежды возвратиться на прямую дорогу?.. Жизнь наша есть стремнистое поприще, чрезъ которое мы бѣжимъ, будучи гонимы вихремъ спрастей... Мудрено ли упасть, когда спрасти не даютъ намъ покоя?...

МАЛОРОССІЙСКАЯ СВАДЬБА.

Изъ *одного* сдѣлаться *въ двухъ*... Какъ ни сильно сіе выраженіе, но его трудно понять тому, кто самъ не стоялъ подъ вѣнцомъ, и чья чувствительность не вытерпѣла всѣхъ пораженій свадебнаго обряда... Вступленіе въ супружество есть такая минута человѣческой жизни, въ которую умъ нашъ передаетъ всѣ дѣла свои сердцу, а самъ, отказавшись отъ непріятности разсуждать, большею частію весь изливается въ горькихъ и сладкихъ слезахъ... Не спрашивайте жениха новобрачнаго — отъ чего онъ плачетъ? Онъ знаетъ только, что ему *хочется плакать*, и сего уже довольно къ тому, чтобы вообразить вамъ всю тягость души, исполненной и страшныхъ предчувствій, и безотчетныхъ мечтаній!... У всѣхъ народовъ сей рѣшительный случай жизни сопровож-

даешся извѣстными обрядами, которые или суть истолкованіе нашей судьбы, или употребляются для большей торжественности и для показанія новыхъ нашихъ обязанностей. У Евреевъ, напримѣръ, женихъ и невѣста приступаютъ къ вѣнцу... въ погребальныхъ рубашкахъ: какой сильной урокъ для молодой четы, вступающей въ новую жизнь! — У древнихъ Славянъ молодая супруга должна была снимать сапоги своему мужу: какое рѣзкое изображеніе обязанностей слабаго пола!.. Но оставляя всѣ другіе народы въ покоѣ, я помню, что обѣщался разсказать вамъ, друзья мои, о Малороссійской свадьбѣ. Извините, ежели перо мое не умѣетъ описать живыми красками сего блистательнаго *акта* страстныхъ сердецъ!

У Малороссіянъ женихъ и невѣста слывутъ подъ общимъ названіемъ *молодаго Князя и молодой Княгини*, и всѣ явленія ихъ свадьбы носятъ на себѣ признакъ

чего-то *царскаго*. — Когда вздумается молодому поселянину жениться, онъ избираетъ отъ себя депутатовъ, именуемыхъ *сватали*, и посылаетъ ихъ къ замѣченной по своимъ прелестямъ, или по своему богатству, прекрасной *Дульцинѣе*. Сіи важные дипломаты являются *ко двору* невѣсты большею частію вечеромъ, и притворясь не имѣть никакого особеннаго дѣла, заводятъ разговоръ о погодѣ, объ урожаѣ и о другихъ сторонностяхъ — ни мало не интересныхъ для сердца, но обыкновенно бывающихъ началомъ всѣхъ нашихъ важныхъ совѣщаній и всѣхъ умныхъ разговоровъ. Не смотря на такое притворство сватовъ, невѣста сей часъ догадается, чего нужно симъ гостямъ, — и ежели женихъ не по ея мыслямъ, то никакія двери и запоры не удержатъ ее въ хатѣ! — Но ежели сваты пришли отъ того, кого давно избрало ея сердце... о! надабно быть дѣвушкою, чтобы чувствовать, какъ это при-

ятно ея сердцу! Съ яркимъ румянцомъ на юныхъ щекахъ сидитъ прелестница въ сокровенномъ углу, и устремивъ пламенныя очи на рукавъ своей бѣлой рубашки, краснорѣчивымъ молчаніемъ проситъ сватовъ, чтобы скорѣе начинали дѣло. — Но безъ посредства Вакха не бываетъ ни какому началу! — Вотъ уже круговая чарка начала переходить по рукамъ, и сваты сдѣлавшись посмѣлѣе, начинаютъ заговаривать о причинѣ своего посѣщенія... И мало помалу объявляютъ предложеніе свое — большею частію въ подобной формѣ:

„*Мы чули, Пане свату, що у васъ ie гусочка, а мы, бачишъ, маемъ на прикмѣтѣ гусака, дакъ якъ бы тее-то такечки ихъ спаровать? Нехай уже увмѣсти ходятъ и увмѣсти пасутця!*“

Вслѣдъ за такимъ аллегорическимъ началомъ, сваты вынимаютъ изъ-за пазухи хлѣбъ, и при низкихъ поклонахъ кладутъ его на столъ. Ежели женихъ нравится

родителямъ и дѣвушкѣ, — то хлѣбъ съ благодарностію принимаютъ, и сей часъ же запивая *могоричъ*, назначаютъ день, въ который жениху должно приходить *за платками*.— Я думаю, сія церемонія всѣмъ извѣстна, и такъ— не для чего наскучать излишними описаніями.

Наканунѣ свадьбы собираются къ помолвленной дѣвушкѣ всѣ ея подружки, и сѣвши вокругъ нея, поютъ дѣвичія прощальныя пѣсни.... Разительная картина! Прощаясь съ безпечностію дѣвическаго состоянія, невѣста какъ будто прощается съ жизнію!.. И въ самомъ дѣлѣ, кто можетъ смѣло сказать ей, что въ будущемъ ожидаетъ ее счастье?... Вѣщія слезы струятся по ея ланитамъ, и даже ласки милаго жениха не въ силахъ успокоить ея сердечную тугу.... О сердце! сердце! Что это значитъ, что всѣ наилучшія радости твоей жизни бываютъ растворены слезами?... Что это значитъ, что во всѣхъ нашихъ

радостяхъ высочайшая степень сладости бываетъ уже горечь, а не сладость?.. Ахъ! счастье и слезы суть родня между собою, — и кто не умѣетъ плакать, тотъ не знаетъ одного изъ лучшихъ наслажденій нашей жизни!...

Между тѣмъ какъ невинныя дѣвушки напутствуютъ свою подругу въ новую жизнь жалобными пѣснями, старухи пекутъ къ свадьбѣ *коровай*, и украшаютъ его голубками, слѣпленными изъ тѣста и позолоченными мишурою. Знаете ли, что такое коровай? — Большой раскрашенный и раззолоченный хлѣбъ, который на свадьбѣ раздѣляютъ между всѣми гостями — съ непремѣннымъ условіемъ платежа въ пользу новобрачныхъ. Когда *коровай* бываетъ спеченъ, и тѣсто поднялось высоко, — женщины поднимаютъ радостный шумъ, бьютъ въ ладоши, скачутъ по лавкамъ и сполатямъ, и вакханскимъ припѣвомъ разгоняютъ стыдливыхъ дѣвушекъ. — Такимъ

образомъ все оканчивается— до завтрешняго торжественнаго утра.

Рано поутру, когда еще и воробьи не просыпались въ своихъ гнѣздахъ, всѣ спятъ, а невѣстѣ уже что-то не спится. Посмотрѣвши со вздохомъ на утро, она думаетъ въ печальныхъ своихъ мысляхъ: о утро, страшное утро! что ты обѣщаешь тоскующему сердцу?... и слезы спруятся по ея блѣднымъ ланитамъ.... Но вотъ уже мало помалу все поднимается въ домѣ, и красныя дѣвушки одна за другою собираются къ своей подружкѣ, чтобы разчесать ея дѣвичью косу.... О коса, коса длинная! въ послѣдній разъ заплетаютъ тебя вѣнкомъ вокругъ чела цѣломудреннаго!... Въ послѣдній разъ убираютъ тебя цвѣтами— барвенкомъ и рутою!... А завтра поутру надѣнутъ на тебя чепецъ, и закроютъ навѣки отъ взоровъ пламенныхъ юношей!... Горючія слезы капятся по локонамъ, нависшимъ на очи, и съ ло-

коновъ падаютъ жемчужными каплями на юныя персты! — Существо слабое прощается съ безпечностію перваго возраста, и упавши въ объятія родителей, получаетъ благословеніе на всѣ искушенія новой жизни!

Вся церемонія двинулась въ церковь, а въ домѣ осталась одна только плачущая старость! — Напереди идетъ *старшій Дружко* — мущина женатый и степенный, который, отправляя должность Церемоніймейстера, располагаетъ всѣмъ праздникомъ. За нимъ слѣдуетъ *Свѣтилка* — молодая дѣвушка, несущая брачныя свѣчи и *предковскій мечъ*, увитый рутою, барвенкомъ и красной калиной. За Свѣтилкой въ группѣ *Боярѣ* и *Подружекъ* идутъ женихъ и невѣста, — и все шествіе заключается двумя, или тремя сельскими музыкантами, которые съ оригинальною важностью артистовъ гордо несутъ подъ руками свои скрипки и бубны.

Когда окончится таинство брака и повобрачные выдутъ изъ церкви, тогда *кавалеры* и *дамы* праздника поднимаютъ громкія брачныя пѣсни, и при звукѣ музыки отправляются домой, гдѣ ожидаетъ ихъ накрытый столъ и вкусный обѣдъ: *Молодые* сядятся обыкновенно на первомъ мѣстѣ подъ самыми образами на подостланную овечью шубу — для чего это? — я никакъ допроситься не могъ, но весьма любопытнымъ для меня показалось то, что на мѣстѣ жениха сядится сперва братъ невѣсты, или другой какой нибудь родственникъ, вооруженный предковскою шпагою, или пистолетомъ. Когда женихъ придетъ требовать своего мѣста и начнетъ объявлять свои права на *молодую Княгиню*,— ему отвѣчаютъ непріязненнымъ движеніемъ шпаги, или холостымъ выстрѣломъ изъ пистолета.... Это значитъ, что какъ *молодая Княгиня* находится еще въ плѣну, то ново-

брачный *Князь* непремѣнно долженъ ее выкупить! — Звонкая монета сыплется изъ кармана на тарелку — и молодый Князь сядится свободно подлѣ своей Княгини.

По окончанiи обѣда начинаютъ *по надлежащему* пить и танцовать. Но ни веселые танцы, ни затѣйливыя шутки и пѣсни гостей — ни что не занимаетъ новобрачныхъ!.. Съ унылою томностiю они смотрятъ на небо, и нетерпѣливыми взорами спрашиваютъ солнце: скоро ли вечеръ?

Вотъ уже раздѣлили *коровай*, и ужинъ кончился.... Музыканты, подтянувши струны на скрипкахъ, начали уже торжественный маршъ — къ ложу новобрачныхъ, и всѣ дѣвушки, какъ молнiя, исчезли съ праздника! — Ага, плутовки! уже ваша подруга вамъ измѣнила! Взглянувши на васъ съ лукавой улыбкой, она подаетъ свою руку молодому мужу, и скрывается отъ

вашихъ взоровъ.... Прощайте, простодушные смѣхи и игры! Прощай, вся прелесть дѣвической жизни!

О МАЛОРОССІЙСКОЙ ПОЭЗІИ (*).

Родясь въ колыбели *славы*, Малороссіяне со всѣми племенами, жившими отъ Балтійскаго моря до Понта Евкинскаго, носили въ древности одно прекрасное имя Славянъ. Печать единства, положенная самою природою на всѣхъ жителяхъ обширной Россіи, еще болѣе была примѣтна въ то время, когда всѣ сіи единокровные братья ближе были къ самой природѣ. Происхожденіе Славянъ одному Богу извѣстно! Можетъ быть, съ нѣкоторыми Лѣтописцами, они присутствовали еще при строеніи Вавилонской башни: это для

(*) Сія піеса была уже напечатана въ Украинскомъ Журналѣ; но здѣсь она представляется съ большею исправностію.

насъ тайна. Но мы знаемъ, что въ самыя отдаленныя времена всѣ поколѣнія Славянскаго племени почитали одно и тоже божество, говорили однимъ и тѣмъ же языкомъ. Частныя имена Полянъ, Сѣверянъ, Кривичей, Радимичей *и прот.* произошли въ послѣдствіи времени отъ мѣстныхъ положеній, и не дѣлали большой разности между Славянами. Однакожь съ различіемъ имени можно подозрѣвать не большое различіе во нравахъ, а слѣдовательно — и въ самомъ языкѣ. Несторъ именно отличаетъ Полянъ по ихъ добродушію и правотѣ отъ всѣхъ прочихъ поколѣній. Что же мѣшаетъ намъ думать, что и самый языкъ Славянскій, раздѣленный на многія поколѣнія, имѣлъ въ самомъ еще началѣ своемъ многія нарѣчія? ... Такимъ образомъ— хотя это будетъ не по исторически, но съ великою достовѣрностію можно заключить, что Малороссійскій языкъ есть древнее особенное нарѣчіе языка Славян-

скаго, принадлежавшее Полянамъ, Сѣверянамъ, и, можетъ быть, другимъ еще сосѣднимъ поколѣніямъ. Кромѣ безчисленнаго множества чистыхъ Славянскихъ словъ, въ немъ и теперь еще остаются многія коренныя слова, которыхъ не льзя найти ни въ какихъ Славянскихъ книгахъ.— Откуда же сіи слова произошли ?— Конечно они были собственностію племени, и перешли къ намъ отъ нашихъ предковъ. По сему драгоцѣнному праву наслѣдства, Малороссіяне смѣло могутъ называть Пѣвца Игорева—своимъ Стихотворцемъ.— О неизвѣстная, далекая древность! какимъ опаснымъ камнемъ преткновенія ты можешь быть для самолюбивыхъ Историковъ!— *Вѣщіе* Пѣвцы, коихъ струны, подобно грому *рокотали* славу Владиміра, конечно были Поляне, или Сѣверяне—слѣдовательно предки нашихъ Малороссіянъ. . . . Кто знаетъ ? можетъ быть, самый *Баянъ* имѣетъ теперь своихъ потомковъ между

тами—въ окрестностяхъ, Кіева, Любеча, или Чернигова. Можетъ быть, сія Малороссійская физіономія, которую въ своихъ прогулкахъ я часто встрѣчаю—съ маленькими усами, съ подбритой головой, и чернявыми хитрыми глазами, исполненными огня и чувства—есть отпечатокъ цѣхъ піитическихъ лицъ, которыя съ арфами въ рукахъ возсѣдали при столахъ яснаго *Рускаго Солнышка*.... Смѣйтесь, или не смѣйтесь, друзья мои, а я всегда съ живѣйшимъ почтеніемъ снимаю шляпу одному слѣпцу, который съ *бандурою* за плечами и съ посохомъ въ рукѣ приходитъ каждое лѣто въ нашу деревню, и окруженный красными дѣвушками, играетъ и поетъ имъ славныя пѣсни о Богатыряхъ древняго времени. Какое величественное зрѣлище!— Вообразите себѣ почтеннаго старца, коего сѣдые волосы небрежно разсыпаны по согбеннымъ плечамъ, покрытымъ рубищами, и длинная борода

стелется сѣдыми волнами по широкой груди. — Уже бандора снята изъ-за плечь, и издаетъ тихіе, гармоническіе звуки; но рѣсницы и вѣки слѣпца торжественно подняты къ небу, и еще ожидаютъ вдохновенія.... Вдругъ — глубокія морщины лица освѣжаются піитическою живостію — бандора затрепетала въ рукахъ — длинные косписпые пальцы полетѣли по спрупамъ; громъ и звонъ полетѣлъ по долинамъ, и рѣсницы темныхъ очей своимъ гармоническимъ движеніемъ повторяютъ каждый тактъ очаровательной музыки!.... Вотъ картина, которая для любителей всего *Оссіановскаго* имѣетъ великія прелести! — Не будемъ смѣяться надъ Бардами націи! Представляя собою предметъ забавы и смѣха, они вмѣстѣ суть драгоцѣнный *памятникъ* Малороссійскихъ пѣсенъ; и ежели гдѣ — то прежде всего у нихъ должно спрашивать о томъ, что составляетъ эстетическую прелесть *народнаго*

Малороссійскій языкъ, помня свое почтенное происхожденіе, и до сихъ поръ сохраняетъ непарушимо свои прекрасныя качества. Имѣйте охоту прислушаться къ Малороссійскимъ пѣснямъ: какая величественная простота въ выраженіи и въ самыхъ чувствахъ! Какое близкое и живое изображеніе природы! Кажется, сочинители сихъ пѣсенъ пѣли оныя не устами, а сердцемъ. Всѣ препоны, каковыми иногда упрямый языкъ искушаетъ вдохновеннаго страстію Поэта, побѣждены непримѣтно, и всѣ нѣжнѣйшія черты глубокаго чувства блестятъ въ Малороссійскихъ пѣсняхъ живѣйшими красками!— Жаль, что возмутительныя происшествія нашего Отечества на долго удерживали полетъ народнаго генія, и о самыхъ порывахъ его въ извѣстное время не оставили намъ никакихъ свѣдѣній. Одно все-допускающее *можетъ быть* остается удѣломъ изыскивающаго Историка. Са-

мое имя Малороссіи не прежде появилось въ народѣ, какъ уже тогда, когда гордые Поляки покорили себѣ южныя Княжества Россіи, и не могши простирать своего властолюбія далѣе, утѣшали свое тщеславіе по крайней мѣрѣ—титуломъ Владѣтелей *Малой Россіи*. Но еще и до сего—памятнаго своими бѣдствіями — времени языкъ Малороссійскій примѣтно началъ отдаляться отъ общаго смысла Россійскаго. Монголы, какъ грозная туча, поднимая бурнымъ дыханіемъ вѣтра на жатву грѣшниковъ, устремились на Россію, и лишивъ ее спокойствія политическаго, положили на самомъ языкѣ ея тяжелую печать своего владычества. Слѣды сего позорнаго клейма не долго оставались въ языкѣ Сѣверной Россіи. Любя свое Отечество, и желая жить *собственнымъ умомъ*, Россіяне съ неудовольствіемъ перенимали варварскія слова, свидѣтельствовавшія о ихъ порабощеніи, и съ уничто-

женіемъ власти Татарской примѣтно начало уничтожаться вліяніе чуждаго языка на языкъ нашихъ предковъ. Жаль, что Южные Россіяне не могли въ семъ подражать своимъ Сѣверпымъ братьямъ! — Не уступая имъ въ храбрости и любви къ Отечеству, они отстали отъ нихъ въ народной гордости, и не раздѣляясь въ духѣ, начали раздѣляться въ языкѣ... Можетъ быть, причина сего несчастія заключалась въ той мягкости характера и *добродушной лѣности*, которою всегда отличались предки нынѣшнихъ Малороссіянъ отъ жителей Сѣверныхъ Княжествъ Россіи. Можетъ быть, *миролюбивая* ихъ *непредосторожность* не могла примѣтить, что варварскій языкъ будетъ современемъ имѣть вліяніе на самый ихъ нравственный характеръ.— И кроткій пастырь степей Малороссійскихъ, бродя съ унылою душею по своимъ пажитямъ — единственно для того, *чтобы* по крайней мѣрѣ *не сидѣлаго*

Татаре взяли — не примѣчалъ, что его пѣсни—отголосокъ прежней свободы—начинали отзываться дикими криками жителей Орды!...

Какъ бы то ни было, но слѣды Татарскаго владычества и теперь еще примѣтны въ языкѣ Малороссійскомъ. Кромѣ довольнаго количества варварскихъ словъ, самый духъ языка отзывается какою-то грубостію и дикостію. Юный Малороссіянинъ умѣетъ выражать свою любовь мягкими и нѣжнѣйшими словами; но самая нѣжность его можетъ иногда испугать просвѣщенный слухъ своею дикостію. Желая похвалить прелести своей милой, онъ прежде ей скажетъ: *Ой яка ты гродлива!*— а потомъ уже прибавитъ: *Румяная, чернобрива.*— Замѣтьте грубость чувства, перешедшую въ самый языкъ! Нѣжная душа, плѣняясь изящнымъ, боится оскорбить оное неприличіемъ своего выраженія; но грубый человѣкъ крайность

добра и зла, красоты и безобразія выражаетъ однимъ общимъ, непріязненнымъ словомъ. Онъ любитъ, но самая любовь его похожа на нѣкоторую зависть къ любезному предмету,—и наилучшая изъ его устъ похвала есть та, которая какъ будто соединена съ нѣкоторымъ чувствомъ внутренней непріязни. Такимъ образомъ, *уродливый*, означая на общемъ языкѣ Россійскомъ человѣка безобразнаго, принято Малороссіянами для означенія совершеннѣйшей красоты: *Ой яка ты уродлива* — совсѣмъ не по-славянски! Такою учтивостію могутъ только одолжать уста, украшенныя Татарскими *усами*.

Жаль, что время и память человѣческая не оставили намъ пѣсней, близкихъ къ тому несчастному времени, когда Россія спрадала подъ игомъ Татарскимъ. Всѣ необычайныя происшествія Отечества обыкновенно сохраняются въ народныхъ пѣсняхъ; но имена Батыя, Тамерлана и дру-

гихъ варваровъ по сію пору не слышны ни въ одной. Можетъ быть, Муза народной Поэзіи стыдилась произносить такія гнусныя имена. Но за то сколько пало храбрыхъ Князей и воиновъ не воспѣтыхъ!— Вся пынѣшняя Малороссія есть не что иное, какъ обширное кладбище, сохраняющее въ себѣ остатки древнихъ сыновъ брани, положившихъ свой животъ за Отечество. Подъ каждымъ почти городомъ встрѣчаешь длинный рядъ древнихъ кургановъ—свидѣтелей народной храбрости. И земледѣлецъ Черниговскій, распахивая землю на могилахъ своихъ праотцевъ, съ горестнымъ вздохомъ говоритъ своему сыну: вотъ тутъ лежатъ наши *пращуры*, побитые Башыемъ! — Ахъ! кому не любопытно знать исторію Церны, Черниговской Княжны, которая бросилась внизъ изъ *краснаго терема* (*),

(*) *Красный теремъ* есть довольно вы-

и доказала Батыю, что смерть для ися пріятнѣе Ханской чалмы!...:

Уже красное солнце начинало выходить изъ-за темнаго лѣса, и первые лучи его, блеснувшіе по высотамъ Болдынскимъ, были возвѣщены жалобнымъ крикомъ воронов, терзавшихъ трупы Христіянскіе! „На что ты восходишь теперь, красное „солнце?“ вопрошаетъ одинъ древній Лѣтописецъ, коего полусогнившая *рукопись* не давно попалась мнѣ въ руки; „уже не

сокая башня, составляющая часть большаго Черниговскаго Собора. Въ лѣтописяхъ Черниговскихъ часто упоминается сіе имя—интересное по историческимъ происшествіямъ, какъ то: по несчастной кончинѣ Черны, по трагической смерши Святаго Митрополита Кіевскаго, бывшаго невиннымъ поводомъ къ раздору братьевъ—Князей, и проч.

„ кому у насъ любоваться твоею красо-
„ тою! Прекрасныя дѣвы и юноши ле-
„ жатъ на распутіяхъ обезглавлены, и
„ примерзли къ землѣ съ своею запекшеюся
„ кровію. Мудрые старцы и служители
„ Божіи остаются не погребенными, или
„ догораютъ вмѣстѣ съ останками хра-
„ мовъ, дымящихся въ пеплѣ... Уже зем-
„ ледѣлецъ не выходитъ въ поле съ радо-
„ стною пѣснію; одни голодные волки бѣ-
„ гаютъ по улицамъ города, и воютъ над-
„ гробныя пѣсни надъ смердящими тѣла-
„ ми. Стадо плотоядныхъ птицъ летаетъ
„ вслѣдъ за волками, и своими пустынны-
„ ми криками оспориваетъ у нихъ страш-
„ ную добычу. — Нигдѣ не видно ни но-
„ ги, спѣшащей на служеніе братіямъ, ни
„ руки, выражающей сердечное служеніе,
„ ни возвышеннаго чела, осѣненнаго мудро-
„ стію — нигдѣ не видно души Христіян-
„ ской! Одна Церна, прекрасная Церна,
„ сидитъ заключенная въ возвышенномъ

„ теремѣ, и встрѣчая своимъ взоромъ
„ смерть на всѣхъ концахъ города, приго-
„ товляетъ собственное сердце къ мучи-
„ тельной смерти.— „Нѣтъ моего мила-
„ го! нѣтъ моей жизни!... И солнце взо-
„ шло, но милаго нѣтъ!... Напрасно вы
„ улыбаетесь предо мною, родные луга и
„ дубравы—уже я не приду къ вамъ съ
„ моимъ милымъ!... Увы! что я вижу?
„ въ чистыхъ струяхъ Десны жестокіе
„ Тапаре полощутъ свои широкіе ножи,
„ покрытые Христіянскою кровію!.. По-
„ кажите мнѣ, варвары, гдѣ ножъ, ко-
„ торымъ пронзено сердце моего друга!
„ Дайте поглядѣть на ту драгоцѣнную
„ кровь, которая кипѣла ко мнѣ чистою
„ страстію! — Ахъ! уже не видать мнѣ
„ сихъ ясныхъ очей, въ которыхъ сіяло
„ мое счастіе! уже не видать мнѣ сихъ смѣ-
„ ющихся устъ, съ улыбкою коихъ улы-
„ бались долины и пригорки! уже не лоб-
„ зать мнѣ сихъ полныхъ ланитъ, блистав-

„ шихъ румянцемъ!—Сестра Великихъ Кня-
„ зей Россійскихъ будешъ наложницею без-
„ божнаго Татарина? Разлучившись на-
„ вѣки съ драгоцѣннымъ моимъ милымъ и
„ съ моею родимою, я буду ласкать и нѣ-
„ жить поклонника идоловъ?.. Нѣтъ! не
„ жить болѣе Цернѣ! Пускай не думаетъ
„ безбожный Батый, что я буду его жер-
„ вою! Что мнѣ изъ той жизни, которой
„ не могу раздѣлять съ любезнымъ моимъ
„ другомъ? Что мнѣ изъ той жизни, ко-
„ торую буду влачить въ рабствѣ и по-
„ ношеніи?.. Боже мой! Боже мой! бо-
„ юсь Твоего правосудія, но боюсь и быть
„ жертвою страсти Батыевой! Нѣтъ!
„ не жить болѣе Цернѣ! Прощай, красное
„ солнце! Прощайте, родные луга и дуб-
„ равы!...“ Тутъ—что далѣе сдѣлалось,
не могу никакъ дочитаться въ древней
лѣтописи; время унесло многія слова изъ
манускрипта и оставило намъ одни темныя
понятія—*бросилась... терпѣ.... и*

тяжелое для сердца *алмазъ*, которымъ заключается жизнь Черны и — самое сочиненіе!

Миръ праху твоему, Княжна православная! Ты окончила жизнь свою, какъ отчаянная героиня страсти; но могила твоя сравнялась съ землею — вмѣстѣ съ могилами простыхъ смертныхъ! Никто не знаетъ, гдѣ покоится прахъ твой; ни одинъ Бардъ не воспѣлъ твоей несчастной кончины; ни одинъ Бардъ не вызывалъ тебя изъ области тѣней!...

Между пѣснями Малороссійскими, кажется, одна только напоминаетъ намъ то несчастное время, въ которое имя Татарина было предтечею ужаса и смерти. Частая перемѣна бѣдствій, какъ ни тягостна для человѣческаго сердца, но имѣетъ ту выгоду, что пріучаетъ насъ смотрѣть на все равнодушно. Геній языка Малороссійскаго, убѣгая отъ варварскихъ лицъ Монголовъ кровожадныхъ, не могъ

сокрыться отъ вѣроломныхъ Литовцевъ.— Великія пораженія, кои претерпѣлъ духъ Малороссіянъ отъ сихъ послѣднихъ, навѣки отомщены въ сердцѣ и языкѣ жителей Малороссіи. И теперь еще обитатели древней Сѣверіи не иначе отзываются объ осташкахъ древнихъ Литовцевъ, какъ подъ именемъ *безбожной Литвы*. А ежели захотите позабавить себя каррикатурами, то стоитъ только разговориться съ умнымъ мужикомъ Малороссійскимъ о Полякахъ. Вотъ здѣсь-то обширное поприще народнаго краснорѣчія, прямо лющагося изъ сердца! — Вы услышите тысячу смѣшныхъ исторій о происхожденіи Поляковъ, — тысячу смѣшныхъ подробностей о правахъ и жизни прежнихъ Краковянъ и Варшавцевъ. И всѣ сіи разсказы будутъ одушевлены патріотическимъ жаромъ черноброваго Чичероне, — будутъ сопровождаемы хитрою и торжествующею улыбкою на черныхъ усахъ

козака Малороссійскаго. *Знай нашихъ!* воскликнешь онъ наконецъ, припіопнувъ ногою, и радостное чувство самодовольствія, какъ молнія, заблистаетъ во взорахъ! Такъ отомщаетъ великій народъ своимъ бывшимъ притѣснителямъ!

Предлагая въ залогъ своихъ добрыхъ намѣреній чувство родства и дружбы, Литовцы ворвались въ Южныя Княжества Россіи, и въ то время, какъ орлай Малороссійскій простиралъ свои объятія навстрѣчу гостямъ, — сіи вѣроломные гости оковали его дружелюбныя руки позорными цѣпями рабства. Прощай, милая свобода! прощайте, радостныя пѣсни! — Утѣшаясь новостію пріобрѣтенія, Литовцы хотѣли показать, что сіе пріобрѣтеніе имъ дорого, и показали то — въ бѣдствіяхъ Малороссіянъ! Малороссія, какъ робкая дѣва, разлученная съ своею матерью, съ ужасомъ увидѣла себя въ объятіяхъ чуждыхъ, и сіи объятія были для нея хладны,

какъ объятія смерти! Не смотря на грубость тогдашняго времени, Литовцы знали великую тайну завоевателей: что для совершеннаго покоренія народа, нужно покорить себѣ его разумъ и отнять у него природный языкъ. Слава Богу, что средства къ достиженію сей цѣли употреблены были жестокія! Безъ того бы жители древнихъ Княжествъ Россіи навѣки попрощались съ духомъ и доблестями своихъ Сѣверныхъ братьевъ.

Уже отъ истоковъ Днѣпра до страшныхъ его пороговъ — вездѣ гремѣло имя Витовта. Благочестивые пастыри церкви поминали оное при священныхъ жертвенникахъ, хотя сердце ихъ втайнѣ молилось о любезной Россіи. Уже Рускіе не узнавали Кіевлянъ и Черниговцевъ, одѣтыхъ въ новое платье покроя Литовскаго. И самые Малороссіяне уже начинали привыкать къ новымъ перемѣнамъ; но сердце ихъ все еще принадлежало Россіи. Тамъ жилъ верхов-

ный Начальникъ ихъ совѣсти, — оттуда они получили своихъ Епископовъ и учителей и раздѣлившись въ отечествѣ земномъ, они не переставали называть небо своимъ общимъ отечествомъ.— Наконецъ злобный Витовтъ задумалъ отнять у нихъ и сію послѣднюю радость, — и Малороссія уже ни въ чемъ не зависѣла отъ Россіи!— Духовенство, принадлежа къ высшему сословію людей, прежде всѣхъ, кажется, заразилось языкомъ Литовскимъ, и имѣя великое вліяніе на своихъ духовныхъ чадъ, неумышленно сообщило имъ сію заразу. Въ послѣдствіи времени, когда Литва соединилась съ Польшею, сія зараза такъ далеко пустила свои корни, что уже не оставалось почти никакого различія между Полякомъ и Малороссіяниномъ. Всѣ наши проповѣдники тогдашняго времени учились искусству слова у Поляковъ; вся философія Малороссіянъ въ Польскихъ *сентенціяхъ* и *адагіяхъ*. Не нарушая языка

священныхъ книгъ, Пастыри Малороссійской церкви всѣ свои поученія и приказы писали на языкѣ Польскомъ — Славянскими буквами. Какого-жъ языка можно было послѣ сего требовать отъ народа?... Счастливы еще были бы Малороссіяне, если бы въ одной только церкви имъ должно было напрягать свое вниманіе къ Польскимъ словамъ; но сіе несчастіе встрѣчало ихъ и во всѣхъ святилищахъ правосудія. Всѣ оракулы тогдашней юстиціи заговорили попольски, — и добродушный потомокъ древнихъ Славянъ, ощущавшій въ груди своей Рускую кровь, принужденъ былъ промѣнять свой языкъ на языкъ своихъ притѣснителей!

Такимъ образомъ языкъ Малороссійскій почти не примѣтно терялъ природныя качества языка Славянскаго, и привыкалъ къ *лясцивнымъ* напѣвамъ Ляховъ. Но хвала великому народу, который умѣетъ дорожить собственнымъ характеромъ! тяж-

кія искушенія рока не сокрушаютъ его, а исцѣляютъ; и въ обширной Исторіи Россійскаго Государства нѣтъ, кажется, такого бѣдствія, котораго бы Россіяне не употребили въ свою пользу. Малороссіяницъ съ горестію наклонялъ свою выю подъ ярмо Польскаго владычества; но сіе ярмо притерло нѣсколько его природную грубость. Поляки, опередивъ насъ на поприщѣ гражданской образованности, прежде насъ почувствовали красоты своего языка, и начали заботиться объ удовольствіяхъ *вкуса*. Въ то время, какъ Рускія жены и дѣвы сидѣли, скучая, въ возвышенныхъ теремахъ — вдали отъ взоровъ людей и отъ невинной свободы сердечной — Поляки умѣли уже бренчать на *бандорахъ* предъ своими красавицами, и ихъ любовныя пѣсни уже отзывались сладкою нѣгою сердца. — Чувство красоты и чувство добра бываютъ въ своемъ началѣ нераздѣльны. Любя красоту, кажется, лю-

бишь добро воплощенное, а любя добро, всегда воображаешь оное подъ видомъ духовной красоты, которой лобзаніе сладко для нашего сердца. И такъ — не будемъ неблагодарны предъ красотою! Прежде, нежели строгій разсудокъ начинаетъ образовать насъ своими правилами, она, какъ нѣжная мать, бываетъ первою нашею наставницею въ драгоцѣнномъ *искусствѣ* любить добро, и слѣдствіемъ милыхъ ея уроковъ всегда бываетъ счастливая гармонія нашихъ способностей душевныхъ. Счастливъ тотъ народъ, который можетъ похвалиться образованнымъ *вкусомъ!* Но ежели сей *вкусъ* будетъ единственно обращенъ на предметы, неимѣющіе нравственнаго достоинства, то порча народнаго характера дѣлается несомнительною. — Благодаря судьбѣ, Малороссіяне умѣли перенять у Поляковъ всѣ, въ то время возможныя прелести людкости, и—не перепяли ничего болѣе. Языкъ Малороссійскій

много обязанъ Полякамъ за свою нѣжность и музыкальность, какъ равно и нравственный характеръ Малороссіянъ не останется неблагодарнымъ предъ Поляками за искуство наслаждаться, и за какую-то плѣнительную, лукавую затѣйливость въ наслажденіи. Кто умѣетъ чувствовать красоту уменьшительныхъ словъ, употребляемыхъ кстати, тотъ пусть читаетъ Малороссійскія пѣсни,— и сіе удовольствіе разольется предъ нимъ въ изобиліи. — Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

У сосида хата бьила,
У сосида жинка мила;
А у мене ни хатинки,
Нема счастья, нема жинки.

Жинка мила, ни хатинки, нема жинки — какая пріятность въ сихъ коротких выраженіяхъ! О музыкѣ словъ и чувствованій ни слова: побережемъ наши восторги на дальнѣйшее время.

Полюбила Петруся,
Да й сказаты боюся.
Ой лихо, не Петрусь:
Бьило личко, чорный усъ!

или:

Солнце низенько, вечеръ близенько,
Выйди до мене, мое серденько! *и проч.*

Петрусь, личко, низенько, близенько, серденько — какая милая дѣтская нѣжность! Надобно слышать, какъ произноситъ сіи слова прекрасная Малороссіянка; тогда мы не захотимъ ѣхать и въ Парижъ, чтобы затерявшись въ кругу милыхъ вѣтренницъ, упоеваться очаровательною музыкою человѣческаго слова.

Но неужели языкъ Малороссійскій можетъ защищать свою нѣжность одними уменьшительными словами? Неужели прекрасныя дѣвушки Малороссійскія умѣютъ только *ребячиться* съ своими женихами, а степенное, кроткое чувство любви имъ

неизвѣстно? Напротивъ того, свидѣтельствуюсь всѣмъ, что есть прекраснаго и изящнаго въ любви чистаго сердца — свидѣтельствуюсь *торжественно*, что едва ли на другомъ какомъ языкѣ названіе *милаго друга* можетъ быть такъ нѣжно и выразительно, какъ на языкѣ Малороссійскомъ. Имѣйте терпѣніе выслушать мои доказательства, заимствованныя изъ *лѣстъ Риторическихъ*.

Нѣжность въ чувствахъ, а слѣдовательно и *нѣжность въ выраженіи чувствъ*, такъ же трудно опредѣлить, какъ и трудно опредѣлить *изящное*. Отъ Аристотеля до послѣдняго учителя народной школы, напрягались умы и вѣчно будутъ напрягаться къ открытію истиннаго *начала* изящнаго; но изящное, какъ будто на перекоръ, сокрывается отъ желательнаго взора Фебовыхъ чадъ, и только издали иногда является имъ подъ видомъ *высокаго*, *прекраснаго*, *Граціи*, а въ

самомъ существѣ своемъ есть не что болѣе, какъ *изящное же* — непостижимая загадка! Умѣя наслаждаться, человѣкъ никогда еще не давалъ себѣ правильнаго отчета въ своихъ наслажденіяхъ, и общій девизъ, приличный всякому человѣческому сердцу, есть — *такъ мнѣ нравится*. Не спрашивайте о причинахъ; вмѣсто всякихъ доказательствъ, вамъ только скажутъ: *потому, что нравится*. Такова судьба всѣхъ познаній человѣческихъ! Первыя причины покрыты для насъ непроницаемымъ мракомъ; мы можемъ только замѣчать явленія, а разсуждать о внутреннихъ движущихъ силахъ—трудное, очень трудное дѣло. Тщетно нѣкоторые ученые силились создать теорію подражательной гармоніи слова; всѣ ихъ глубокія изслѣдованія останутся не болѣе, какъ доказательствомъ слабости человѣческаго разума. Мы знаемъ, что *не есть* изящное, *не есть* нѣжное; но что *есть* нѣжное и изящное?—объ этомъ

никогда не дадимъ удовлетворительнаго отвѣта. Читайте произведенія лучшихъ Стихотворцевъ—и наслаждайтесь! Наружное чувство слуха и внутреннее чувство красоты укажутъ вамъ тѣ мѣста, кои сладко отзовутся въ вашемъ сердцѣ. Всякой почти разъ, когда вы прочтете изящнымъ и прекраснымъ, небесная музыка въ сладчайшихъ, любезнѣйшихъ тонахъ прольется по вашему сердцу.... Но откуда несутся сіи плѣнительные гласы? что производитъ сладостное трепетаніе во всемъ вашемъ существѣ? Это выше силъ нашего разумѣнія!—Можетъ быть, сіи восторги суть умиленные вздохи нашей души, которая, подобно *Аббадонѣ*, видитъ сквозь туманъ прекрасныя рощи милаго Рая, помнитъ ихъ прохладу, желаетъ успокоиться подъ ихъ благодатною сѣнію, но оковы чувственности увлекаютъ ее къ землѣ: съ тѣмъ различіемъ, что душа, плѣнница плоти, все еще надѣется достигнуть

когда нибудь потерянаго совершенства; и по сей-то причинѣ всѣ цѣни таковаго совершенства, примѣчаемыя въ произведеніяхъ Природы или Искусствъ, бываютъ для нея такъ милы и любезны. Можетъ быть... можетъ быть... Мы не смѣемъ далеко заходить въ лабиринтъ изящнаго, но по крайней мѣрѣ осмѣливаемся думать, что всеобщность *вкуса* есть общій жребій человѣчества — наслаждаться изящнымъ и въ самыхъ наслажденіяхъ своихъ чувствовать одну лишь потерю совершенства, а слѣдовательно и воздыхать о возвращеніи *милаго потерянаго*. Счастливъ тотъ Поэтъ, который своими пѣснями можетъ возвысить душу до сего высокаго, прекраснаго чувства! Счастливы тѣ формы человѣческаго слова, которыя своею красотою пробуждаютъ въ человѣкѣ понятіе о красотѣ совершеннѣйшей, вѣчной! — Напримѣръ, какъ вамъ кажется? Все, что вѣчность имѣетъ въ себѣ прелестнаго для

любящаго сердца, не должно ли сіе чудесное *все* ясно и громко отзываться въ нѣжномъ названіи любимца нашей души? Но разбериге на всѣхъ языкахъ имена *сердечнаго друга*—и я напередъ увѣренъ, что языкъ Малороссійскій будетъ имѣть въ семъ случаѣ преимущество. Боюсь показаться пристрастнымъ; но по крайней мѣрѣ, дозвольте представить мое мнѣніе на удачу. Греческое *φίλτατε*, Латинское mi charissime, Нѣмецкое Liebster Freund, и Французское mon cher ami отзываюпся въ моихъ ушахъ одною только *пріятностію любиться*, напоминаютъ мнѣ милыя кудри, прекрасныя очи, нѣжную улыбку и, можетъ быть, еще — нѣжную душу; а о небесныхъ восторгахъ чистой страсти, о постоянствѣ любви, *переживающей самую вѣчность*, сіи красивыя слова не говорятъ моему сердцу ничего. Слушая Грека, Француза, или Нѣмца, я останавливаюсь на пріятныхъ чертахъ его

друга, любуясь его красотою—и воображеніе не представляетъ мнѣ ничего возвышеннѣйшаго. Послушайте жь теперь, какъ нѣжная Малороссіянка будетъ называть своего возлюбленнаго. Все, что можно сказать о стыдливомъ желаніи взоровъ, о тайномъ трепетѣ груди, о стыдливомъ румянцѣ—измѣнѣ любви: все это есть общее красавицамъ цѣлаго свѣта; но въ изъясненіи любви короткими, несвязными, и вмѣстѣ все выражающими словами—великая разность!

Уже *Наталка* на красивѣетъ, когда *Петрусь* прижимаетъ ее къ своему сердцу. Во взорахъ Петруся она читаетъ клятву вѣчной любви — чего ей бояться? Съ дѣтскою довѣренностію смотритъ она на своего друга, и все ея существо дышетъ одною любовію... *Петрусь*, окруженный темнотою ночи, въ присутствіи звѣздъ небесныхъ повторяетъ свои клятвы; нѣжная дѣва вздыхаетъ, и кроткіе лучи взошедшаго мѣсяца, освѣщаютъ на ея глазахъ

крупныя слезы.— О сладкія слезы любви! какъ пріятно осушать васъ поцѣлуями! *Петрусь* при сіяніи мѣсяца любуется своею милою, и взоры ихъ невольно между собою встрѣтились.... Тихая, прелестная улыбка была отзывомъ сердца на успахъ прекрасной; во взорахъ Петруся блистало желаніе счастія. Въ сладостномъ молчаніи склоняетъ нѣжная дѣва свою легкую голову на плечо Петруся — и кто можетъ описать цѣломудренные вздохи пламенной страсти?... *Мій милый кохане! мій милый кохане!*— Вотъ все, что можетъ сказать страстная дѣвушка любимцу своего сердца!.. Взоръ ея устремленъ на звѣздное небо: тамъ, въ неприступномъ сіяніи свѣта, *видитъ* она Всеблагаго Бога, предъ страшнымъ престоломъ Котораго скоро соединятъ ее съ Петрусемъ неразрывныя узы. *Мій милый кохане!* какіе нѣжные, благородные, выразительные звуки!— Для любящаго существа, въ мину-

ты восторга, исчезаетъ вся вселенная, и въ обширной сферѣ бывшія остается одна только невѣста, да любезная Вѣчность. Я уже не вижу сего яснаго мѣсяца, сихъ яркихъ звѣздъ; я уже не слышу сихъ теплыхъ зефировъ, играющихъ моими кудрями: мое сердце упоено очаровательною музыкою: *мій милый кохане! мій милый кохане!...*

Говоря о нѣжности Малороссійскаго языка, надлежало бы, въ угодность строгимъ Критикамъ, доказать, что сія нѣжность скрывается въ самыхъ первоначальныхъ *элементахъ* слова; но доказательства такого рода лучше можно чувствовать слухомъ и сердцемъ, нежели выводить изъ утонченныхъ теорій. Кто не знаетъ, что и самая глубочайшая теорія бываетъ иногда непріятна? nimium ubique nocet!

Золотой вѣкъ Малороссійскихъ пѣсенъ есть то незабвенное въ лѣтописяхъ вре-

мя, когда Козаки, основавъ изъ себя народъ независимый и гордый, долго оставались предметомъ соблазна для честолюбія и спокойствія своихъ сосѣдей. О происхожденіи сихъ могучихъ сыновъ брани и раздора можно то же сказать, что говорится о происхожденіи Римлянъ. Шайка молодыхъ людей, недовольныхъ собою и, можетъ быть, собственнымъ сердцемъ, удалилась отъ взоровъ людей въ обширныя степи, и основавши тамъ свое общество, страшными воинскими криками дала знать людямъ о своемъ существованіи. — Буйные вопли несчастія имѣютъ въ себѣ какую-то ужасную и вмѣстѣ любезную привлекательность. Бѣдное сердце, огорченное жизнію, слышитъ издали, гдѣ страдаютъ другія сердца, ему подобныя, и — бросая послѣдній прощальный взоръ на добродѣтель, съ горестію влечется туда, гдѣ не слышны совѣты здраваго разума. — Пожалѣемъ о несчастныхъ товарищахъ Ромула

но дружинѣ Ермака, но отдадимъ должную справедливость славнымъ ихъ потомкамъ! Человѣческому сердцу не сродно упорствовать въ ненависти къ добру; и кто могъ быть, по стеченію обстоятельствъ, врагомъ добродѣтели, изъ того всегда еще можно ожидать самаго ревностнаго служителя ея олтарей. Такимъ образомъ имя Козака, сопровождаемое разбоемъ и грабительствомъ, вскорѣ сдѣлалось любезнымъ названіемъ военнаго человѣка, который умѣетъ грозно потрясать своимъ копьемъ и забавлять своими прекрасными пѣснями. Красивые усы и черныя брови юнаго Запорожца не разъ прельщали невинныхъ Украинскихъ дѣвушекъ; но Запорожецъ оставался вѣренъ общему обычаю, дружины — и стрѣлы Амура не дѣйствовали на его сердце. Въ цвѣтущихъ лѣтахъ юности оставить свою родину, гдѣ все призываетъ къ любви и наслажденію, и оставить единственно изъ привязанности

къ страннической, Козачей жизни — это показываетъ великій избытокъ чувства, и раннее уразумѣніе той священной, горестной истины, что міръ сей не есть наше отечество... Вообразите себѣ многія тысячи людей, которые живутъ въ благоустроенномъ обществѣ, умѣютъ чувствовать всю прелесть жизни, и — не имѣютъ между собою ни одной женщины: зрѣлище разительное въ лѣтописяхъ человѣчества! Кто не знаетъ по собственному сердцу, что одинъ ласковый взоръ какой-нибудь Лидіи, одна страстная улыбка прекрасной Лилеты часто производятъ чудесное преображеніе во всемъ нашемъ существѣ?.. Но Запорожецъ, какъ будто наперекоръ собственному счастію, избѣгалъ всѣхъ случаевъ, могущихъ напоминать ему о прелестяхъ любви. Единственный другъ его — конь, спаситель въ жаркихъ бояхъ, и товарищъ подъ сѣнію домашней кущи. Во время покоя, онъ лелѣетъ его.

и разговариваетъ съ нимъ о прошедшихъ побѣдахъ, или отдыхая послѣ бранныхъ подвиговъ за свободу своей любезной *Сѣчи*, съ геройскимъ равнодушіемъ куритъ свою трубку, и смотря сквозь облака дыма въ туманную даль, напѣваетъ о радостяхъ козачей жизни... Не думаете ли вы, что для него жизнь красна любовію, и что любовь дышетъ его устами?— Напрасно!

Мини съ жинкой не возиться;
А тютюнъ да люлька
Козаку въ дорози знадобится....

Вотъ сокращеніе господствующаго чувствованія, которое управляетъ всѣми сердечными движеніями Запорожца и сообщаетъ, въ глазахъ его, цѣлой природѣ свой собственный колоритъ, свои собственныя краски отмѣнныя и необыкновенныя. Воспитанникъ ратныхъ побѣдъ— Козакъ забываетъ, *что человѣчество не состоитъ изъ однихъ всадниковъ*, и что есть дру-

гой еще полъ — прекрасный и милый. А гдѣ нѣтъ сердечной памяти о семъ прелестномъ полѣ, о сихъ существахъ, наполняющихъ радостію дни нашей жизни,— тамъ сердце непремѣнно дѣлается вмѣстилищемъ другихъ страстей могучихъ и сильныхъ. Какія же страсти обладаютъ сердцемъ Запорожца? Не богатство ли предметъ его попеченій? — Нѣтъ! Онъ отъ юности учится той утѣшительной истинѣ, что *Богъ не безъ милости, а Козакъ не безъ доли* — и богатство никогда не бывало его идоломъ. Не сластолюбіе ли мучитъ его сердце? — Но очаровательное поле честей не граничитъ съ пустынными степями, на коихъ пасутся табуны коней! Всѣ его страсти соединяются въ одномъ горестномъ чувствѣ глубокаго самоотверженія, которое кладетъ свою темную печать на всѣ его радости, и на всѣ самыя обыкновенныя дѣйствія. Можетъ быть, причиною сего преоблада-

ющаго чувствa были нѣ бѣдствія и несчастія, которыя со всѣхъ сторонъ окружали Запорожцевъ. Можетъ быть, сердце человѣческое изъ самыхъ горестей умѣетъ составить для себя характеръ ... Какъ бы то ни было, но и самая горесть имѣетъ свою сладость, которая иногда бываетъ даже милѣе восторговъ счастія. Дѣйствіе такового горестнаго и вмѣстѣ сладкаго чувства, не останавливаясь въ сердцѣ, разливается во всѣхъ козацкихъ пѣсняхъ, и простирается на самый языкъ Малороссійскій. Набодно прислушаться къ разговорамъ сельскихъ старѣйшинъ, когда они съ длинными старческими посохами возсядутъ около радостнаго кубка и станутъ разсуждать о худѣ, о добрѣ и о благосостояніи своего общества. Тяжелое паденіе словъ, сопровождаемыхъ привычнымъ вздохомъ; разительные образы рѣчи, блестящіе высокимъ соединеніемъ *небеснаго съ зелнымъ*; мѣрное движеніе посо-

ка, устремленнаго въ землю, и пламенный взоръ, ищущій своего счастія въ небѣ — все вамъ укажетъ потомковъ того удивительнаго народа, который, не прельщаясь жителейскими радостями, всю свою жизнь проводилъ въ темномъ исканіи чего-то сокрытаго, въ горестномъ желаніи чего-то непонятнаго. Такъ непримѣтнымъ образомъ характеръ предковъ переходитъ въ самое потомство!

Но человѣческому сердцу недолго бороться съ природою! Въ то самое время, какъ мы рѣшаемся навѣки не любить, сердце - измѣнникъ уже имѣетъ свои тайныя связи. Запорожцы, забывшіе думать, что у нихъ есть внутренній органъ любви и наслажденія, не могли забыть, что у нихъ есть чувства. И какъ любовь начинается отъ взора, сладко льется въ нашу душу чрезъ органы слуха, и возрастаетъ, будучи согрѣваема дыханіемъ прелестныхъ устъ; но какое существо,

объявляя свои права на имя человѣка, позволишь себѣ гордую мысль, что его сердце можетъ оставаться свободно отъ любви? Любовь есть жизнь человѣческаго сердца! Пускай себѣ, что угодно выдумываетъ самонадѣянная гордость въ защищеніе своей нелюдимости; но пока побудительною причиною нашего самоотверженія будутъ другія сокровенныя страсти, а не верховное благо — Богъ, до тѣхъ поръ мы находимся въ ужасномъ заблужденіи, и оскорбленная природа приготовляетъ для насъ въ будущемъ жесточайшее наказаніе.— Счастливъ тотъ, кто успѣетъ избѣжать шаковаго мщенія природы, и отправши свое сердце у могучихъ страстей, поспѣшитъ отдать оное прелестнѣйшей и добродѣтельнѣйшей красавицѣ своего края!— Хотя и останутся въ этомъ счастливцѣ нѣкоторые слѣды прежней сердечной грубости; но любовь есть самый лучшій учитель: она умѣетъ преобразовать

существо человѣческое такъ, что изъ подобнаго льву разъяренному человѣкъ дѣлается кротокъ какъ агнецъ!

Такимъ образомъ, пока съ именемъ Козака соединялось понятіе о человѣкѣ, неуважавшемъ законныя требованія природы, до тѣхъ поръ никакое нѣжное чувство не входило въ составъ нравственнаго его характера. Но смотря потому, какъ Запорожцы стали *заглядываться* на Украинскихъ дѣвушекъ — сердце ихъ мало помалу начало чувствовать цѣль своего бытія. Построеніе *Черкаска* было уже хорошимъ признакомъ для каждаго благомыслящаго защитника супружескихъ связей. Постоянное жилище, естественно предполагаетъ въ человѣкѣ прекрасную склонность къ тихимъ удовольствіямъ; а гдѣ умѣютъ уже любоваться чистою свѣтлою компанкою, пріятнымъ садикомъ и мирными пожитками: тамъ сердце скоро начнетъ вздыхать и о подругѣ... Такимъ

образомъ Козаки не устояли въ гордомъ обѣтѣ своей дружины, и начали жениться! Вслѣдъ за такового прекрасною перемѣною сердца перемѣнился и весь образъ ихъ жизни. Мѣткое копье, свиставшее въ ушахъ непріятелей, поставлено въ почетномъ углу хижины, и вмѣсто копья взяли забытую соху и начали распахивать поле. Вѣрный конь получилъ отдыхъ, и крупнорогіе волы замычали подъ рукою козацкою. — Хвала премудрому Промыслу, невидимо управляющему судьбою народовъ! Малороссія, долго блуждавшая по распутіямъ иноплеменнымъ, наконецъ возвратилась въ нѣдра своего отечества, и согрѣвшись послѣ политическихъ бурь и непогодъ, почувствовала въ себѣ новыя силы. Геній народа, любящій тишину и покой, проснулся, и прекрасныя пѣсни раздались отъ свѣтлой Десны до тихаго Дона!

Между сочинителями Малороссійскихъ пѣсенъ, болѣе всѣхъ славится имя *Кли-*

лювскаго въ Малороссіи. Благословенный отъ природы рѣдкою чувствительностію сердца, живымъ, пламеннымъ воображеніемъ, и глубокою проницательностію разсудка, онъ, какъ пѣвій Пророкъ, возсѣдалъ между Старшинами Козацкими и— между красными дѣвушками Малороссійскими. Всѣ слушали милаго пѣвца съ восхищеніемъ, и никто не могъ его наслушаться. Но его сердце предано было *одной*; *одна* одушевляла его во всѣхъ нѣжныхъ и чувствительныхъ пѣсняхъ; *одна* бросала его рукою мѣткое копье на враговъ отчизны — и любовь къ *ней* была общею мыслію, общимъ характеромъ какъ его жизни, такъ и всѣхъ его пѣсенъ.

Свиснувъ Козакъ на коня:
Оставайся, молода!—
Я пріиду, якъ незгину,
Черезъ три года . . .

Скажемъ къ похвалѣ нашего Поэта, что

сія пѣсня переведена на Нѣмецкій языкъ и нравится Германскимъ красавицамъ.

Послѣ незабвеннаго Климовскаго, Малороссіяне могутъ еще похвалиться другимъ Геніемъ—*Сковородою*. Но сей пѣвецъ былъ совсѣмъ другаго рода. Обладая обширною ученостію и глубокимъ познаніемъ древнихъ языковъ, онъ мало обращалъ вниманія на языкъ природный Малороссійскій, и сочинялъ свои (впрочемъ довольно пінтическія) *Псальмы* на языкѣ Славянскомъ. — Убѣгая, по своей философіи, женщинъ, онъ прославлялъ своими пѣснями Бога и мирную жизнь добродѣтели. Но вообще можно сказать, что *Сковорода* славенъ, для Малороссіянъ, болѣе поэзіею своей жизни, нежели своими пѣснями.

Накопецъ долгъ справедливости пребуетъ, чтобы мы принесли благодарность *Г-ну. Котляревскому* за его Энеиду. Мы увѣрены, что сія прекрасная Пародія дойдетъ до позднѣйшаго потомства — и ею

будутъ заниматься такъ, какъ теперь занимаются Рунническими буквами, или древними медалями, ускользнувшими отъ ѣдкости времени.

Все пройдетъ!... И мѣсто, гдѣ жили вдохновенные пѣвцы, исчезнетъ изъ памяти людей, и могилы ихъ сравняются съ землею! Но пѣсни испинныхъ Поэтовъ никогда не умираютъ! Подобно отдаленному грому, онѣ отзовутся въ мрачности временъ, и тамъ, гдѣ не станетъ уже времени, пріятные звуки ихъ сольются съ вѣчностію.— Счастливъ тотъ, кому улыбаются Музы! Счастливъ тотъ, на чьемъ возвышенномъ челѣ блистаетъ печать вдохновенія!....

МАЛОРОССІЙСКІЯ ПѢСНИ.

Мы еще до сихъ поръ не имѣемъ порядочной теоріи пѣсенъ; знаемъ только, что пѣсня должна быть естественное, почти безыскуственное изліяніе въ гармоническихъ звукахъ страстнаго сердца — и сего для генія довольно! — Не справляясь ни съ какими правилами, геній, подобно голубкѣ, воркуетъ надъ гробомъ своего милаго, — подобно пчелкѣ, порхаетъ съ цвѣтка на цвѣтокъ, или спрятавшись за счастливымъ любовникомъ, подкрадывается къ окошку прелестной пастушки и велитъ соловью воспѣвать блаженство наслажденія?... Сколько есть чувствованій у человѣческаго сердца, и сколько каждое чувство имѣетъ оттѣнковъ, столько же и предметовъ для пѣсни. Одна любовь есть неизсякаемый источникъ вдохновенныхъ пѣснопѣній; что же сказать о другихъ

страстяхъ, равно могучихъ и сильныхъ? Ахъ! если бы Богъ не соединилъ съ нашими страстями болѣзненнаго, мучительнаго чувства; но все наше словесное бытіе превратилось бы, кажется, въ пѣніе.— Мы всѣ родились съ расположеннostію къ пѣснямъ—и невинный младенецъ еще въ колыбели любитъ засыпать подъ баюканье своей няни!

Судя по различнымъ страстямъ и чувствованіямъ человѣческаго сердца, и раздѣленіе пѣсенъ должно быть многоразлично. Но у насъ вообще привыкли раздѣлять оныя на *Военныя*, *Любовныя* и *Пастушескія*. Оставляя другому заняться симъ пріятнымъ предметомъ, я обращаюсь къ пѣснямъ Малороссійскимъ.

Однажды я просилъ дѣвушекъ нашей деревни, чтобы онѣ запѣли мнѣ о *Сагайдачномъ*. Смуглявыя красавицы недовѣрчиво захохотали и заупрямились. Чего я не дѣлалъ, чтобы услышать отъ нихъ эту

пѣсню? . . и сулилъ каждой по перстню, и давалъ чистыя деньги: все напрасно!— Хоть скажитежь, красавицы, почему вы пѣть не хощите?— „*А якъ же намъ, добродѣю, спѣвать Запорожскую пысню? а жежъ дѣвчаталъ не пристало спѣвать ни козацкихъ, ни паробыцкихъ*. . .“ Это въ переводѣ значитъ то, что дѣвушкамъ не прилично пѣть козацкія, или вообще мужескія пѣсни.— По дальнѣйшимъ моимъ распросамъ оказалось, что у поселянъ Малороссійскихъ пѣсни вообще раздѣляются *по поламъ*. Дѣвичія пѣсни суть неприкосновенная собственность прелестнаго пола, и ни одинъ молодой мущина не согласится пѣть сіи пѣсни. Прекрасное раздѣленіе сердечнаго чувства! Изъ этаго видно, что сіи невинныя чада природы поютъ свои пѣсни не для того, чтобы упражнять голосъ, или собирать дань хвалы и удивленія, но для того, чтобы изливать свою душу въ гармоническихъ тонахъ, и

утѣшать себя въ горестяхъ. И въ самомъ дѣлѣ, какое можетъ быть худшее употребленіе пѣсни, какъ если мы поемъ для одного щегольства и безъ всякаго участія въ чувствахъ, ею изображаемыхъ?— Такъ! одна природа есть *то, что* насъ плѣняетъ и въ громкихъ звукахъ Гайденовой музыки, и въ скромныхъ тонахъ сельскаго романса! Отнимите сію прелесть *естественности* — и тогда всякое изящное произведеніе останется хладнымъ трупомъ, или безобразнымъ уродомъ.

Боясь утомить моихъ Читателей *ученными медитаціями*, я представляю здѣсь нѣсколько Малороссійскихъ пѣсенъ, которыя ближе къ моей памяти и сердцу.

Вотъ, *наприм.*, молодая вдова, имѣющая сердитаго свекра, загулялась въ гостяхъ и между тѣмъ начинаетъ идти дождь... Прислушайтесь, какъ сіи капли дождя *шумятъ* и *гудятъ* надъ кровлею хаты!— Смотрите, съ какимъ искусствомъ лука-

ная красавица пользуется случаемъ имѣть любезнаго провожатаго! Съ какою силою и ловкостію спрасши она обманываетъ своего свекра, и спремится въ объятія къ своему милому!... Конечно, содержаніе сей пѣсни не весьма похвально; но игривый и шуточный слогъ ея показываетъ, что ее надобно понимать не просто, а въ ироническомъ смыслѣ. — Это критика на молодыхъ вдовъ, или лучше сказать — сія сельская критика на человѣческое сердце!

И шумитъ, и гуде,
Дрибенъ дощикъ иде!
А хтожъ мене молодую
Да до дому проведе?...
Обызвався козакъ
На солодколѣ медъ:
Гуляй, гуляй, мое сердце,
Я до дому проведу.
— Ай прошужъ я тебе,
Не веди жъ ты мене;

Сердитаго свекра маю,
Буде биты тебе!—
„Ой я свекра не боюся,
Ой я свекру поклонюся:
Бо винъ сее разтолкуе,
И обниме поцѣлуе...“
— Назадъ хлопцы! назадъ хлопцы!
Бо чортъ свекра несе;
Якъ побачить мене зъ вами,
Его тряпця запрасе!—
„Нехай трусить, нехай трусить,
Якъ у поли грушу!
А я шаки молодая
Погуляты мушу...
Нехай трусить, нехай трусить,
Якъ у саду вишню!
А я шаки молодая
Свого свекра вышлю...
Ой не стый пидъ окномъ,
Не махай рукавомъ;
А якъ приде пора,
Такъ я выйду сама!

Ой не стый пидъ окномъ
Не ворочайся!...
— — — — — —
— — — — — —

2.

Посмотрите, что это за птица летаетъ по горамъ и долинамъ?.. Ахъ! это птица любви—сизый голубочекъ!— Судя по его полету, можно догадаться, что онъ ищетъ своей голубки... Какое близкое изображеніе страстнаго любовника, разлученнаго съ своею милою! Онъ знаетъ, что его милая здѣсъ, но увидѣть ее невозможно.. Друзья! помогите хоть вы сему жалкому страдальцу! Не льзя ли какъ-нибудь вызвать его милую?... Ахъ! дайтежъ ему хоть посмотрѣть на нее, хоть подержать за бѣлую руку!...

Ой по горамъ, по долинамъ,
По козацькимъ украинамъ

Сисъ голубонько летае,
Себѣ пароньки шукае!....

* * *

Себѣ пароньки шукае,
Товариша выкликае...
Товаришу, ридный браце!
Выкличь, выкличь дѣвча съ хаты!...

* * *

Выкличь, выкличь дѣвча съ хаты:
Щось я маю ей сказаты;

* * *

Щось я маю ей сказаты:
За рученьку подержаты!
За рученьку, за другую
Дѣвчиноньку молодую!!

NB. Языкъ страсти всегда былъ и будетъ языкомъ неподражаемымъ. Прислушайтесь, какъ сей несчастный любовникъ проситъ своего друга, чтобы онъ доставилъ ему свиданіе съ его милою: »*Товарищу, ридный брате! выкличь, выкличь дѣвча съ хаты!*“ Онъ готовъ имѣть его за

роднаго отца, за роднаго брата — лишь бы только увидѣться съ своею милою! — Для чего же ему нужно сіе свиданье? — Отвѣтъ готовъ! »*Щось я маю ей сказаты*!“ Но этимъ не кончилось; страсть сей часъ же проговорится! »*Щось я маю ей сказаты... за рученьку подержаты!... за рученьку, за другую, дѣвчиноньку молодую*!“ Довольно! здѣсь все уже сказано, и болѣе не нужно никакихъ доказательствъ!

Вотъ еще нѣсколько Малороссійскихъ пѣсенъ, изъ коихъ каждая нравится или новостію чувства, или прелестію движеній, или— очаровательною гармоніею слова!

5.

Одна гора высокая, а другая низка;
Одна мила далекая, а другая близка!
Ой я тую далекую людямъ подарую,
А до сіей близенькой я самъ помандрую.
Ой я тую далекую метлами помечу,

А до сіей близенькой соколомъ полечу!...
Ой у поли нивка,— на ней материнка,—
Тамъ дѣвчина жито жала — сама чорнобривка.
Ишовъ Козакъ дорогою: „помогай Бигъ, женче!“
Вина іому одвѣчала: здоровъ бувай, сердце! —
Да вжежъ тая слава по всѣмъ свѣту стала,
Що дѣвчина Козаченька серденькомъ назвала!...
А у тіей далекои волы да коровы,
А у сіей близенькои да черные брови!
А у тіей далекои волы поздыхали,
А у сіей близенькои брови повставали!
А у тіей далекои шкуры на колочку,
А у сіей близенькои брови по шнурочку!!...

4.

У сосида хата бьила,
У сосида жинка мила,
А у мене ни хатинки,
Нема счастья, нема жинки!..
Одна була дѣвчинонька,
Люба, мила кохананька,
Да и то не мавъ я знаты,
Якъ изъ нею розмовляты...
Сѣдлай, хлопче, коня вороного,
А самъ сядай на гнѣдого,—
Поѣдемо къ сосидоньки,
Любой, милой дѣвчиноньки!
—Здравствуй, здравствуй, моя мила!
Ой колибъ мене ты полюбила!..
Ой яка ты *уродлива*—
Румяная, чернобрива...
„Годи, годи жартоваты!
Ось уже иде и маты!“
—Будь здоровенька, матусю!
Я пріѣхавъ по *Настусю*....

Завезешъ мою дитыну;
Ты бурлака, волоцюга,
Разбіяка, злый катюга!“
—Ой, матусю, бійся Бога!
Смерть твоя вже у порога:
Ты мене ище, не знаешъ,
Да и катюгой называешъ!
Человѣкъ я не женатый,
Маю вивцы, скотъ рогатый,
Маю козы и овечки,
И на поли стоги гречки!—
„Завезешъ мою дитыну;
Ты буркака, волоцюга,
Разбіяка, злый катюга!“
—Ой матусю, Бигъ съ тобою!
Подивись-нышъ ты на доню:
Сильно плаче и рыдае,
Свою долю проклинае!—
„Ой чогожъ ты, моя доню?
Ось я тебе кочергою!
Жениха мы найдемъ самы
И зъ товаромъ, и зъ вивцами!“

—Прощай, прощай, моя мила!
Щожъ робышь, що не полюбила?..
Ты за Паномъ хочешь быпы,
Щобъ тебѣ зъ нимъ добре жишы...
„Я за Пана не бажаю;
А тебе вѣрно кохаю!
За такимъ бы жишь я стала,
Хотъ бы борщикъ бувъ безъ сала!!!“

5.

Схилилися двѣ березы низько,
Живе козакъ край дѣвчины близько!...2.
„Ой Козаче, не ходи до мене,
Буде слава на мене й на тебе!“
—Ой я славы, славы не боюся,
Съ кѣмъ люблюся,—сяду обнимуся!—
. . . . . .
Пытае маты доню: де вѣнокъ свій дѣла?
„Ой пійшла-жъ я, мамо, по воду до броду,—
Упустила вѣночекъ у воду...“

—Треба-жъ, доню, *Громаду* збираты,
Треба вѣнокъ рашоваты!—
„Не треба-жъ, мамо, людей турбоваты;
Треба, мамо, всю правду сказаты.
Ишовъ Козакъ, Козакъ молоденькій,—
Винъ изхватывъ вѣнокъ зелененькій!...“

6.

Да оре Семенъ, оре да сывыми волами;
Нема жинки Катеринки да съ черными бровами...
Да оре Семенъ, оре, да на солнце по глядае...
Его жинка Катеринка зъ Москалями гуляе...
Доорався же Семенъ да до новаго лану,
Пустывъ волывъ у дуброву, а самъ пійшовъ до дому.
Якъ прійшовъ же Семенъ да до новой хаты,
Пытается своихъ дѣтей: а где, дѣти, ваша маты?

—А пошла-жъ наша маты да на лугъ
по телята,—
За божилась, за клялася, що „не ваша,
дѣти, маты!...“
Ой якъ кинется Семенъ да до новой
скриньки:
Нема добра, нема скрини, а ни жинки
Катеринки!
Якъ ударитъ же Семенъ да объ полы
руками:
„Дѣтки мои дробнесеньки! ой пропавъ-жъ
я зъ вами!...“
Ой ударьте, морозы, да на ты густы
лозы!
Побій, Боже, Катерину за Семеновы
слезы!....

7.

Ой шли Ляхи на три шляхи,
А гусаре на четыри,—
Дай Гетьманьски поле вскрыли.

Да помежъ ими кинь вороный,
А на тымъ кони Гетьманъ седитъ,
Въ правой руци шаблю держитъ,
А зъ лѣвой руки кровь бѣжитъ...
Ой набигло крови да цѣлая рѣчка,
А на тый рѣчцѣ воронъ краче,
Що по сыну маты плаче....
—Да не плачь, маты, не журися:
Вжежъ твій сынокъ оженывся,
Да й узявъ собѣ паняночку—
Въ чистому полѣ земляночку!...
Возьми, маты, песку жменю,
Да посыпь, маты, на каменю:
Якъ сей песокъ да й изыде,
Тогда твій сынъ зъ війска приде!...
„А вжежъ сіому песку не зыходитъ!
Мойму сыну зъ війска не приходитъ!..“

8.

Померъ, померъ Казаченько въ недѣлю уранци,
Положили Козаченька въ свѣтлицѣ на лавци...
Померъ, померъ Козаченько въ недѣлю уранци,
Поховали Козаченька въ зеленомъ байраци!...
„Отомане-товарищу! чини мою волю—
Выведь коня воронаго и всю мою зброю:
Нехай же сей кинь вороный стоитъ надо мною!...“
Прилетѣла зозуленька, да сказала: *куку!*
— Подай, подай, мій сыноньку, хоня одну руку!—
„Ой радъ же-бъ я, маты, обѣдви податы,—
Присыпанной сырой земли не могу подняты!..“
Прилетѣла зозуленька, да сказала: *куку!*

—Подай, подай, мій сыноньку, хоть правую руку!—

„Ой радъ бы я, маты, личенько, податы:
Засыпаны кары очи не могу взглянуты!...“

9.

„За моими воротами зеленее жито;
Да вжежъ мене черезъ тебе не разъ, не два бито!“

—За моими воротами зелена пшеница;
Кого люблю, да не возьму,—не буду жениться!...

Ой часъ, маты, жито жаты,—колосъ похилився:
Ой часъ, маты, за мужъ даты,—голосъ измѣнився!—

„Измѣнився голосочекъ и тихая мова
Изъ тобою, Пройдисвѣту, до пивночи стоя!....“

Шумять вербы въ концѣ гребли, що я насадила;

Нема того, що я его вѣрненько любила!—
Шумять вербы въ концѣ гребли, що я полюбила;
Нема того, що я его вѣрненько кохала!...
И ходила, и ходила, и ходить буду,
И любила Козаченька, и любить буду!!

КОНЕЦЪ.

ИЗЪЯСНЕНІЕ

Малороссійскихъ словъ, находящихся въ сей книгѣ.

Ажъ—даже,
Бажаю—сильно желаю,
Байракъ—долина,
Бачишъ—видишь,
Божовильный—неразумный,
Борщъ—щи,
Бурлака—шалунъ, негодяй,
Варенуха—Малорос. пуншъ,
Вивцы—овцы,
Винъ—онъ,
Волоцюга—праздно шатающійся,
Борочаюся—шевелюся,

Зъ господы—изъ дому,
Гопака—притопывая ногами,
Гребля—плотина,
Добродѣй—Сударь, Monsieur,
Доня—дочь *уменш.*
Дробнесенькій—маленькій,
Дробушечки—танецъ Малор.
Жартоваты—шалить,
Жито—рожъ,
Жменя—горсть,
Згину—погибну,
Катюга—палачъ, бранное слово,
Кожухъ—овечья шуба,
Кохаю—люблю,
Ланъ—площадка, урочище,
Лихо—бѣда,
Люлька—трубка,
Матуся—матушка,
Материнка—полевой цвѣтокъ,
Маю, ешь, ешъ—имѣю,
Мини—мнѣ,
Миска—столовая чашка,

Мышу—имѣю, намѣреваю, *μελλομαι*,
Молодица—замужняя женщина,
Мова—рѣчь,
Нема—нѣтъ,
Нехай—пусть,
Нышъ—лишь,
Обѣдьвѣ—обѣ,
Паняночка—барышня,
Пивночь—полночь,
Питаю—спрашиваю,
Поландрую—пойду, попянусь,
Приклѣта—примѣта,
Пройдисвѣтъ—пройдоха,
Ранокъ—утро, *уранци* поутру,
Ратовать—избавлять, отъ Нѣм. Rath.
Робить—дѣлать,
Скринька—сундучекъ,
Сало—свиной жиръ,
Спѣваю—пою,
Схиляюсь—склонясь,
Товаръ—рогатый скотъ,
Треба—надобно,

Трясца—лихорадка,
Тютюнъ—курит. табакъ,
Хлопецъ—мальчикъ, молодой мущина,
Шляхъ—дорога, шрактъ,
Шукаю—ищу,
Якъ—какъ,